

"Прости мне мои грехи. Книга 2 (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Annotation

«Вскоре Коул поймет, что я не его игрушка. Я единица. Я девушка, которая целиком и полностью принимает свои решения сама и несет за них ответственность. А он пусть и дальше играет в дешевых куколок, в Царя Братства и прочие извращенные над психикой игры, в которых я больше не хочу принимать участие». - Ребекка «Мне нравится причинять боль другим. Каждый раз, когда я смотрю в зеркало, ненавижу свое отражение и всё же продолжаю делать все это с НЕЙ. Ломать, прогибать под себя, наблюдая за ее жалкими попытками противостоят. Противостоят, чтобы вновь покориться, изнывая от желания, которым мы оба одержимы. В ее венах теперь мой яд. На моей шее теперь ее петли. И скоро мы взаимоуничтожим друг друга, как лед и пламя. Но до тех пор я буду унижать Ребекку снова и снова, доводить до иступления, чтобы потом снова разбить ее мечты и перекрыть горло». - Коул Страсть - поразит тела, как болезнь, без конца и края. Чувства - поглотят до дна, оголяя нервы. Любовь - станет жестокой, бьющей в самое сердце, разрывающей душу на части... И всё же останется любовью. Разрушающей, сметающей все на своем пути, но любовью... Или всё же нет?

ПРОЛОГ

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18.

Глава 19.

Глава 20. POV Ребекка

ПРОЛОГ

POV Ребекка

Если лекарство от всех проблем и болезней и существует, то название ему одно - и это "путешествие".

Сама мысль о том, что всего десять часов в небе, и вот я уже за океаном в совершенно новой для меня точке земного шара, снимает первые признаки и симптомы заболевания, а именно: жар, лихорадку, ломку и постоянно всплывающие воспоминания, терзающие и без того измученную душу двадцать четыре часа в сутки.

Само предвкушение того, что целый месяц я буду предоставлена сама себе, и Коул, родители, сокурсники и прочите мои знакомые даже не подумают встретиться мне на одном из берегов Сены, как волшебная микстура действует на мой организм.

Месяц, в котором буду только я, лучшие Европейские магазины, лавандовые макарены в каноне с марципановыми круассанами, Шарлотта Бронте, читаемая мной в одном из самых красивейших парков Парижа, булыжные мостовые, по которым так и хочется пройтись босиком... Эдэм на земле определённо есть, и для меня это не Рим, как утверждают историки.

А он - мой Париж и весь лазурный берег Франции и даже маленькое государство Монако, куда я еще намеревалась отправиться.

Даже любимые лодочки не натирали ноги, в то время как я, вооружившись кредиткой и хорошим настроением, совершала набеги в такие магазины, как Chanel и Louis Vuitton. Шопинг всегда помогал мне создать иллюзию того, что у меня прекрасная жизнь. Казалось бы, протянул карточку, приобрел очередную ненужную тряпку, и жизнь прекрасна. Но правда состояла в том, что это была всего лишь иллюзия, хоть приятная и многообещающая, но все-таки иллюзия.

Тряпка в последствии становилась лохмотьями, иллюзия "жизни моей мечты" рушилась, а я оставалась такой же, как и прежде - мерзкой, пустой, но зато с сумочкой от Michael Kors.

И все же сейчас это все было мне просто необходимо. В душе я даже была благодарна Коулу за то, что он в который раз раздавил меня, и это послужило последней каплей - я просто собрала свои вещи и уехала на другой конец света. Единственная проблема была в том, что мне

было необходимо куда-то деть Зевса. Он был совершенно не рад тому, что целый месяц ему придется провести в приюте для домашних животных, но, тем не менее, оставлять его на попечении у Элины было бы еще хуже. Она уж точно бы не упустила шанса отыграться на песике за меня.

Проходя мимо одной из витрин, держа в руках огромные блестящие пакеты, я замерла, заметив свое отражение в прозрачном стекле панорамы магазина Tiffany. Бирюзовый цвет этой марки всегда привлекал мое внимание, и на этот раз я тоже не осталась равнодушной. За последний месяц я даже немного изменилась: постоянное стервозное выражение моего лица теперь иногда сменялось приветливой улыбкой, которая почти не выглядела натянутой. Лекарство действительно помогало. По крайней мере с внешней стороны. Демоны были усыплены, Коул забыт, и даже ошибки моего прошлого превратились в тени, перестав быть разрывающими воспоминаниями.

Лишь на время.

Вдруг я увидела на стекле отражение пары серых, как сталь, глаз, стремительно направленных на меня. Взгляд был лишь мгновением, продлившимся целую вечность, но он был достаточно пронзительным и настоящим, чтобы испугать меня. Рука молодого человека поправляла воротник его полурасстегнутой белой рубашки, из-под верхних пуговиц которой вырисовывался вытатуированный орел на его груди.

Я наблюдал за тобой.

Голос Коула пронзает мои барабанные перепонки, и, морщась от безмолвного крика ужаса, я оборачиваюсь, неловко выронив все пакеты из моих рук. Едва справляясь с тяжелым дыханием, понимаю, что за спиной моей никого нет - лишь толпы туристов и дружелюбных Парижан, спешащих кто куда. Никому не было дела до девушки, которая нелепо распластала дорогие покупки прямо в сердце Елисейских полей.

- Коул... - захлебнувшись, прошептала я, наклонившись, чтобы поднять пакеты. Одержимая паранойей, быстро осмотрелась по сторонам: никого даже чуть-чуть похожего на Коула в поле зрения не было. Более того, вокруг меня и вовсе не было мужчин.

Если честно, я очень хотела встретить здесь кого-нибудь нового, кто сможет зажечь мое сердце. Того, кто сможет навсегда избавить меня от мыслей о Коуле и укрыть от всех проблем, что навалились на меня за последнее время. Того, кто будет воспитанным, сдержанным и учтивым. Адекватным. Кого-то, кто будет полной противоположностью Коулу. Даже мое воображение рисовало мужчину похожего на Николаса - только такого, который ничего бы обо мне не знал. Ник был действительно хорошим вариантом для меня, да только он уже во мне разочаровался, и оправдываться за свои поступки перед ним я не собиралась.

Я хотела нового человека в своей жизни. Нового мужчину.

Того, перед кем я смогу предстать чистой и светлой. Начать все заново, без тайн и скелетов

в шкафу. Я просто стала бы новой Ребеккой Картер - такой, которой я, наверное, всегда и хотела быть.

Быть достаточно хорошей. Достойной чего-то большего, чем одинокие скитания по жизни, разбавленные приключениями с местным тираном.

Мои мысли прервал телефонный звонок - Elle Golding - Handong On, - и, еле удерживая в руках покупки и телефон, я с трудом зажала его между ухом и плечом.

- Доброе утро, Бекс. - На другом конце провода я услышала сонный голос своей новой знакомой - Мерседес. По всей видимости, утро у нее начиналось в три часа дня в самый разгар моего обеденного шопинга.

- Ага, и тебе доброе "утро". Ты в курсе который час, или все это время ты не выбиралась из постели красавчика, с которым познакомилась вчера?

- Слава Богу, он покинул меня еще на рассвете. - Ее голос уже звучал уже гораздо бодрее. - Ведь это значит, что мы с тобой совершенно свободны и сегодня же отправляемся в Монте-Карло. Вечером.

- Что? - Я нахмурилась, параллельно прикидывая в уме, сколько мест еще не обошла в Париже. Но я же смогу к ним вернуться позднее после небольших выходных в Монако?

Я надеюсь.

- Я не хочу это обсуждать. Я жду тебя у Оперы Гарнье, оттуда мы отправимся в аэропорт, который в два счета доставит нас на Лазурное побережье. И не забудь приготовить парочку вечерних платьев для похода в казино.

Мерседес свалилась на мою голову внезапно - как бы нелепо это не звучало, но мы познакомились в одном из магазинов. Нам приглянулась одна и та же сумочка, которая оставалась в единственном экземпляре, и мы потратили около пятнадцати минут на спор о том, кто же из нас будет ей обладать. Я напирала на нее в своей привычной стервозной манере, но и та оказалась не промах. Поскольку для этой девушки я была, по сути, "никем", она совершенно не стеснялась в выражениях, чем меня и зацепила.

Было, наконец, приятно встретить настоящую личность, а не просто куклу, которая в очередной раз заняла бы место моей "подруги" и поддакивала всякий раз, когда мне это было необходимо.

Наша борьба за сумочку закончилась тем, что мы вернули ее на полку и вышли из магазина без покупок, совершенно потеряв к ней интерес, зато найдя много общего. Мерседес Испанка - она была довольно скрытной, несмотря на внешнюю уверенность в себе и умение поддерживать

любой разговор. Все, что я пока знала о Мерс - это то, что она была чем-то на меня похожа.

Непонятная родителями, свободная, погружившаяся в разгульный образ жизни. Только она, в отличие от "старой" меня, поступала умнее - гуляла в другой стране и только в летнее время. Во время учебы же она превращалась в укрощённую обществом девушку - порядочную студентку закрытого Испанского колледжа для девочек.

Я вдруг представила себе институт, в котором учатся одни лишь девчонки. Никаких братств, интриг, но и никаких мужчин. Ни одного. Звучит... Скучно.

Поэтому неудивительно, что Мерседес во времена своего отдыха срывалась со всех катушек и уходила в отрыв. Я, конечно, чувствовала, что она вновь может потянуть меня за собой, и мое становление на путь истинный не закончится успехом, и все же хотела с ней общаться.

На все вопросы: «как, зачем и почему я приехала отдохнуть во Франции», отвечала либо уклончиво, либо просто: «на шопинг». Ну не могла же я выложить ей все сразу: «Я сбежала от своей семьи, которая меня ненавидит; от парня, который шантажировал меня с целью оттрахать; ну и от того, что в пятнадцать лет я почти собственными руками отравила девушку наркотой».

Дааа. На шопинг. Конечно, я приехала, просто чтобы пройтись по магазинам, а не избавиться от кошмаров и угрызений совести, которые проснулись во мне, после всего того, что наговорил мне Коул.

Возвращение домой и предстоящая учеба пугали меня не так, как возможность снова увидеть его. Снова почувствовать на себе его взгляд, который за секунду превращает мою кожу в иней.

Как бы там ни было, у меня оставалось еще несколько дней на то, чтобы оторваться в Монте-Карло и насладиться последними деньками своих летних каникул в Париже. С этими мыслями я зашла в ближайшую кондитерскую и, взяв коробочку уже опробованных мною макарун, направилась к припаркованной машине. Мерседес не станет меня ждать, поэтому мне следует поторопиться и приготовиться к поездке, в которой, надеюсь, скучать не придется.

Глава 1.

Флешбэк (отдых во Франции).

POV Ребекка

Часы на вершине здания La Casino de Monte Carlo указывали ровно полночь, в то время как мы с Мерседес подъехали к нему. Подав руку мужчине-водителю в белых перчатках, вышла на

свежий воздух, несказанно радуясь красоте, которая окружила меня.

Красота эта была изысканной и старинной. Мне казалось, что на мгновение я перенеслась на несколько столетий назад, и в этом и заключалась для меня разница между Европой и Америкой - здесь каждое здание будто бы застыло, наслаждаясь моментом, в то время как дома, каждая улица и каждое новое строение рвалось вперед, возможно пропуская мимо что-то действительно важное.

Я прислушалась к звуку бьющегося фонтана в окружении пальм и оглядела взглядом вечернюю площадь перед самым главным и старым казино Монте-Карло, в котором, как правило, собиралась вся Европейская знать и просто богатые туристы, которые хотели испытать свою удачу. Небо над моей головой, несмотря на полночь, было светлым, почти как днем, благодаря тысячам огней, окруживших город.

Само здание больше напоминало мне настоящий средневековый дворец, и лишь горящая вывеска, гласившая о том, что это Казино, и дорогие спортивные машины, подъезжающие ежесекундно, сообщали мне о том, что я все-таки все еще нахожусь в двадцать первом веке.

- Ребекка, ты в порядке? - Мерседес посмотрела на меня, сдвинув брови. Наверное, она заметила то, как я оглядываю обстановку, которая для нее была довольно привычной.

- Да, - кивнула я, глядя на девушку. Мерседес была облачена в длинное белое платье, полностью обнажавшее ее плечо, демонстрирующее смуглую, как шоколад, кожу. Я бы не назвала ее ослепительно красивой, но, определенно, в ней что-то было: обаяние, улыбка и огонь в глазах. То, чего, наверное, у меня никогда не было.

Мое обаяние заключалось лишь в сексуальности. Улыбка (дай Бог, если натянутая), огонь в глазах - только при появлении объекта по имени "Коул" в радиусе десяти метров от меня.

- Тогда пошли? Фейс-контроль строгий, но нам переживать не стоит. - Мерседес обладала очень широкими бровями, полностью перенимающих акцент с ее желто-карих глаз, и широким, как у Филлипинок, носом.

- Мы серьезно будем играть? - Я поджала губы, показывая мужчине в черных очках свою сумочку. Пройдя через специальную раму, пропищавшую пару раз, мы наконец-то оказались внутри. Цена за вход в такое роскошное казино, на самом деле, являлась чисто-символической - десять Евро, - и все же деньги здесь крутились нереальные.

Среди людей, находившихся в Казино, даже я чувствовала себя неловко, что, в общем-то, было мне совершенно несвойственно. Ощущение того, что я стою на ковровой дорожке абсолютно голой, не спешило меня покидать, даже когда к нам с Мерс подошел учтивый официант и предложил вина или шампанского.

- Ага, всех тут потихоньку спаивают, чтобы большие ставки делали. Так что давай не

увлекаться, - разумно рассудила она, взяв бокал и себе, и мне.

- Что я слышу! - Кажется, сегодня Мерседес решила притвориться ангелом под стать своему белому платью. - Тогда что мы здесь делаем? Я совершенно не умею играть в Блэк-Джек!

- Ты серьезно? - Она усмехнулась, посмотрев на меня с недоверием. - Я тебя научу, если будет время. Но пришли мы сюда не за этим, Бекка. По крайней мере я.

Она облизнула свои темно-бордовые губы, переводя взгляд на мужчин в пиджаках и рубашках, усевшихся за круглым столом. По ее глазам мне все сразу стало понятно: Мерседес пришла сюда, чтобы сорвать большое приключение и куш, но явно не в денежном эквиваленте.

- Ну, я догадывалась об этом. Ну они все какие-то... Староватые? Не думаешь? - Я придирчиво пригляделась к мужчинам, игравшим в Блэк-Джек. Они, конечно, выглядели хорошо, но половина из них была даже старше моего отца, что совершенно не вязалось у меня с многообещающим знакомством.

- Не все. - Она подмигнула мне, переводя взгляд на другую толпу, которая играла в рулетку. Там, и правда, стояли парни по моложе. Все, как на подбор: красивые, ухоженные, с идеально зачесанными и вылизанными волосами. Одним словом: скука.

Образ взъерошенных волос Коула пролетел в мыслях так стремительно, что я чуть не подавилась шампанским. Волос, которые я сжимала, прижимая к себе ближе, выкрикивала его имя, поглощаемая нескончаемым потоком счастья... Черт, он до сих пор не отпускает меня.

Я вообще сомневаюсь, что когда-нибудь смогу найти от него лекарство.

Никаких других определений своим чувствам к Коулу, кроме как «болезнь» и «зависимость», я не находила.

- Думаю, рулетку я осилю. - Ухмыльнулась, хоть и интересного кандидата в поле зрения пока не видела. Я нутром чувствовала, как в каждом «белом воротничке» пытаюсь разглядеть Коула.

- Ну, чтобы за одним столиком не было сразу двух красивых девушек, я думаю, нам стоит разделить территорию. - Мерседес была еще более расчетливой, чем я, но я ее в этом не корила.

Думаю, если бы я была заперта в Колледже для девочек круглый год, то вела бы себя еще хуже. Мерс просто хочет развлечься. Я же - просто хочу забыться.

Кивнула ей, провожая подругу взглядом: подмигнув мне, она легкой походкой направилась

по направлению к столику, где мужчины играли в Покер, и я отметила, что никто из них пока даже не повернулся в ее сторону, хотя, казалось бы, это было невозможно. Мужчины были увлечены только игрой, и оторвать их от процесса действительно трудно.

Я же с куда большим интересом разглядывала статуи, украшающие периметр огромного игрального зала, хрустальную люстру под потолком, украшенную позолотой, и огромные игральные карты-статуи, сделанные из Оникса.

В одном из зеркал между статуями я замечаю себя и не узнаю: мое платье-футляр черное и непривычно сдержанное. Несмотря на глубокий вырез на спине, грудь полностью прикрыта и не привлекает к себе внимания. В руках мне не хватает только мундштука и ободка с перьями в духе «Великого Гэтсби». Я выгляжу, как настоящая леди, – даже волосы убраны в аккуратный пучок, дополненный маленькой волнистой прядью, спадающей на лицо.

Я сжимаю в руках стакан покрепче, вновь представляя рядом с собой Коула. То, как его рука вместе с нататуированным предплечьем накрывает грудь. То, как он подходит ко мне сзади и, едва прижимаясь к спине, шепчет:

«Твое тело принадлежит мне. Ты моя игрушка, Ребекка». - Голос в голове раздается так ясно, что я откидываю шею, представляя его губы возле моей кожи, как наяву. «Не распускай свои волосы. Только со мной они должны быть такими».

Мелкая дрожь пробивает мое тело, и я вынырываю из этой агонии. Я должна забыть о Коуле. Мой дух должен победить это жалкое, зависимое лишь от него, тело.

Рука потянулась к шпильке на голове, и я со злостью хотела уж было распустить волосы... Но не смогла. Кисть так и застыла над моей головой, и, осушив стакан до дна, я уверенной походкой направилась к столику, где все играли в Рулетку.

Не зря же прихватила на входе фишки - стоит испытать свою удачу. Я подошла к рулетке, где стояли одни лишь парни, кроме меня, и женщина в годах – этакая изысканная дама в дорогом брючном костюме красного цвета. Что-то мне подсказывало, что шутки с этой дамочкой плохи, и игру ведут она и стоявший рядом с ней парень с огромным количеством фишек. На него я не обратила никакого внимания – меня больше интересовало жемчужное кольцо на шее дамочки, и то, сколько же ей лет, если выглядит она на пятьдесят, но на деле, кажется, что гораздо больше.

- Ставлю на то, что выпадет четное.

- Ставлю на то, что выпадет красное. - Я услышала несколько голосов, провозгласивших свои ставки. Я совершенно ничего не смыслила в этой игре, рассчитывать приходилось бы только на свое везение. Не долго думая, решила поставить все свои фишки – ну а что, это всего лишь десять тысяч Евро наличными, а в другие игры я все равно играть не умею. Разве что в электронные автоматы.

- Ставлю на то, что выпадет двадцать один красное, - уверенно объявила я, подавая Крупье все свои фишки. Седовласый мужчина, едва скрыв свое удивление, посмотрел на меня оценивающим взглядом. В толпе все молча расплзлись в скептических улыбках, а я лишь мысленно объяснила себе свой выбор: Коул родился двадцать первого числа, и никакое другое мне просто не приходило в голову.

А играть я любила по-крупному.

«Всё или ничего. Моя девочка», - опять же одобрительно раздалось в моей голове, и я со злостью пододвинула ближе к Крупье все свои фишки.

- Поддержу даму, - вдруг молодой человек, что стоял рядом с дамой в красном костюме, отдал все свои фишки в общую кучу. - Ставлю почти все на четыре черную. - Он поставил на цифру, что располагалась на рулетке по соседству с моей.

Парень поднял на меня свой взгляд исподлобья, и я соизволила ему улыбнуться, оценивая внешность: приятное статное лицо; опять же, прилизанные по вискам светлые волосы; добродушные светлые глаза и легкая улыбка. Из толпы он выделялся, разве что, этим самым приветливым выражением лица, что было вовсе не типично для Казино, где люди слишком серьезно относились к ставкам.

Я слышала не мало историй, как целые состояния падали в Казино, а бывшие богатеи выходили от сюда без ничего.

Всем своим внешним видом парень показывал, что он пришел сюда просто так, на один вечер - спустить на ветер несколько сотен тысяч долларов и угомониться. По крайней мере, видимость создавалась такая.

- Ставки приняты, - объявил Крупье и прокрутил барабан. С замиранием сердца я начала глядеть, как шарик стремительно крутится по рулетке. Круг за кругом, замедляя свой темп... А ведь кто-то здесь поставил куда больше денег, чем я. И в случае выигрыша...

- Двадцать один красное! - громко заявил Крупье, хотя все и так уже давно уловили, на какое число упал шарик. Я на секунду замерла, не веря своим глазам. Я никогда ничего не выигрывала и всегда считала, что я и везение - это вещи из двух параллельных друг другу вселенных.

- Ваши фишки возрастают в несколько раз, мадемуазель, - обратился он ко мне. Окружившие стол игроки скрывали свои эмоции: конечно, недоумение было не трудно прочесть в их глазах. Я и сама не понимала, почему день рождения Коула сработал с вероятностью в сто процентов: а каковы были шансы?

- Ого, кажется, кто-то опустошил мой карман всего лишь за пару секунд. - Молодой человек обратился ко мне, в то время как дама в красном костюме что-то недовольно проворчала на

мой счет. – Не поделишься секретом?

- Новичкам везет, не так ли? – Я улыбнулась парню, вдруг поняв одно: может, вот он - тот самый шанс. Предстать хорошей. И платье удачное как раз подобрала.

- Соглашусь. - Он протянул мне руку (ох уж эти манеры. Коул бы не стал опускаться до подобных любезностей. Этот парень был вроде копии Ника – только Европеизированной), и я подала ему свою в ответ. К моему облегчению, он не стал ее целовать, а просто представился, слегка сжав:

- Граф Стефан Марсо, - объявил он с легкой гордостью. Я еле сдерживала смех, закипевший в груди. Граф? Я вас умоляю.

- Ребекка Картер. Просто Бекка. – Я вдруг сама себе напомнила простушку Эмили Бломен, которая этой своей невинностью, в свое время, завлекала всех парней подряд (отсылка к первой части серии «Позволь мне тебя коснуться»).

- Буду признателен вам, если вы хоть немного поделитесь своим везением. - Стефан подарил мне долгий глубокий взгляд, прежде чем отпустить мою руку. - Деньги мне не жаль, но вот проигрывать при собственной тете больше не хотелось бы.

Он кивнул в сторону азартной женщины, которая вновь делала крупную ставку. Да уж, у каждого свои странности.

Я ничего ему не ответила, все еще сомневаясь в том, что он стоит того, чтобы с ним познакомиться. Хотя, если честно, я была немного заинтригована его личностью и возможностью окончательно закрепить свое лечение знакомством с перспективным парнем.

- Вы... Американка? – не выдержав моего молчания, спросил Стефан. – Фамилия весьма говорящая.

- Да, я из Лос-Анджелеса. - Слегка кивнула, складывая свои руки вместе в районе живота – мне хотелось казаться скромнее и элегантнее, чем я была на самом деле. По его приятной улыбке, поняла, что мне это удалось.

- О, - на его лице застыло глубокое разочарование, – это очень далеко. С какой целью посетили Монте-Карло?

- Я поехала в Париж... - Тут я прикусила язык, потому что собиралась ляпнуть что-то вроде: «Пройтись по магазинам, отвлечься от своего прошлого», и выдала: - Для того, чтобы воочию увидеть величайшие полотна Да Винчи, Яна Вермеера, а также некоторые скульптуры Антонио Кановы и многих других.

Стефан вдруг еще больше изменился в лице. Я же мысленно поблагодарила себя за то, что хоть чуть-чуть прислушивалась к скучному аудиогиду, который нам выдали в Лувре. На самом деле, это были одни из самых утомительных часов в моей жизни – я просто пробежалась по некоторым главным залам с картинами, добежала до «Моны Лизы» и поспешила покинуть этот великий музей.

Все же, слишком «тяжелая» культура была не для меня. Из всех способов по духовному обогащению наиболее близким мне был – чтение и литература. Но уж никак не разглядывание обнаженных моделей средневековых художников.

- Я осталась очень довольна, прямо-таки сбылась моя детская мечта. Ну и, конечно же, я посетила Версаль – в принципе, это были все мои цели. – Я поспешила наговорить ему побольше, чтобы Стефан не начал спрашивать меня об особенностях стиля моего любимого художника. – Ну, а потом подруга пригласила меня в Монте-Карло, и я подумала: почему бы и нет?

Я никогда так много не разговариваю с незнакомцами.

- О, я вижу, у нас с вами найдется очень много тем для разговоров, – наконец сделал вывод Стефан, одобрительно улыбаясь мне. – Я буду очень разочарован, если вы вскоре покинете нашу страну.

Я сделала глубокий вдох, вновь присмотревшись к его каре-зеленым глазам, и, наконец, приняла окончательное решение продолжить с ним более близкое знакомство.

- В сентябре у меня начинается учеба. – Снова удивленный взгляд с его стороны, но я опережаю его немой вопрос и подтверждаю. – Да, я еще учусь.

- Вы...?

- Ты можешь называть меня просто Бекка. Когда ты говоришь «Вы», я чувствую себя твоей тетей... – Мы вместе посмотрели на кипящую от злости, вызванной проигрышем, тетю Стефана и, переглянувшись, рассмеялись.

Кажется, я нашла то, за чем приехала.

Идеальную формулу лекарства, которое вылечит меня от Коула.

Вскоре Коул поймет, что я не его игрушка. Я единица. Я девушка, которая целиком и полностью принимает свои решения сама и несет за них ответственность.

А он пусть и дальше играет в дешевых куколок, в Царя Братства и прочие извращенные над психикой игры, в которых я больше не хочу принимать участие.

Флешбек (ночь на Дамбе).

POV Коул

- Я ненавижу тебя, Стоунэм. – В голосе Бекки ни капли ненависти. Я накрываю ее холодную руку своей и слегка сжимаю хрупкие пальцы.

- Взаимно, Картер. Ты достаточно плоха, чтобы я тебя тоже ненавидел. Таковую, какая ты есть.

- Коул, я... - Внезапный порыв чувств к Бекке оказывается сильнее меня, и я прикладываю палец к ее пухлым губам.

Не знаю, чего она от меня ждет. Хочет, чтобы я назвал все своими словами? Ну я не могу дать ей того, что она хочет. Я не влюблен в нее.

И любовь мне неведома, как, возможно, она наивно полагает.

Все, чего я хочу – это и дальше держать ее под контролем. Причинять боль, наслаждаясь ее сопротивлением. Мне нужна наша маленькая секретная игра, только и всего.

А не то, чего она может придумать себе после моих слов. Возможно, я бы и мог открыть ей свое сердце, но мне прекрасно известно, что чудовище внутри меня рано или поздно возьмет верх над человечностью. И этим я сделаю ее еще более несчастной, чем сейчас.

Хотя, в ту секунду Бекка выглядела невероятно счастливой – мои рассказы про «Жить моментом» не хило запудрили ей мозги, чего я и добивался. Еще один крючок закинут, и вот рыбка уже жадно глотает ртом воздух, находясь вне воды.

То-есть, вне меня.

- Жить моментом... Быть абсолютно свободными. Но вместе, – тихо произнесла она, с блаженной улыбкой поглядывая на меня. Какая наивность. И от куда в этой стерве проснулись такие черты? Неужели, я своей волей подавил ее характер?

Это очень лестно. Но, кажется, пришло время спустить девочку на землю.

- Свободными? – выплюнул я как можно грубее. Пожалуй, даже перестарался – так сильно я хотел показать ей прежнего себя. – Ты не свободна, Бекка, очнись.

Она нахмурила лоб, ее брови резко сдвинулись к переносице.

- Ты - игрушка. Ты не более свободна, чем мои шлюхи. Мои «братья». И даже мои животные. Я буду шантажировать тебя снова и снова. Надоела старая тема? - Тут я имею в виду то, что в пятнадцать лет она отравила наркотой ни в чем не повинную девчонку. - Я найду новое слабое место. И буду давить на тебя с новой силой.

Демон внутри сильнее меня самого - сильнее разума, сильнее тела. Он просто хочет царить вокруг боль, и эпицентром этой боли должна быть Ребекка. Искрой - той, из-за которой это самое пламя вспыхивает и разгорается.

Я просто не мог позволить повторить себе жизнь своего отца. Человека, который думал, что победил чуждое внутри себя и попытался создать семью. В результате чего: брошенный матерью ребенок, поломанная психика, натравливание на своего сына гончого, ну и в завершение всего этого спектакля - каждодневные концерты в психушке.

- Почему ты вновь говоришь этого? - взволнованно спрашивает Бекка, вместе с тем ее руки опираются на землю, для того чтобы встать. Но я оказываюсь быстрее - придавив собой ее продрогшее тело, наклоняясь к ее лицу, чтобы заверить:

- Ты еще ничего не поняла? Игра продолжается. Я надеюсь, ты готова на этот раз слушаться. Я тут подумал... Если ты все равно узнала о нашем маленьком тайничке, может быть примешь участие, а? Так сказать, «войдешь в долю»?

- Отвали от меня, ненормальный! - сквозь зубы пропыхтела Бекка, нервно закорчившись под моим телом.

- Вести себя так можешь только во время секса, - спокойно разрешил ей я, слегка шлепая пальцами ее подбородок. - Исключительно для моего удовольствия.

- Какого еще секса, Стоунэм? - заверещала она, отчаянно вырываясь. Ребекка так хотела вырваться на свободу, что аж вены на ее лбу вздулись от напряжения. - Да я лучше вновь попытаюсь спрыгнуть с дамбы! Чем еще раз лягу в твою постель! Чем как-либо свяжусь с тобой, с твоим дебильным Братством и грязными делами!

- Грязными? Ну кто у нас тут еще грязный, Бекка? Кто? - Я расхохотался, ероша ее волосы, маниакально озабоченный ими. По венам так и струился Кайф, приходящий от того, что мы вновь ссоримся и спорим; она брыкается, а я сверху.

- Отпусти меня, отпусти! - в который раз кричит она, и я ослабляю хватку. На сегодня уроков хватит. Она может быть свободна, для того чтобы завтра я сделал ей еще больнее.

Ребекка встает, оттряхивая свою одежду, параллельно кидая в меня молнии ярости.

- Ты - бездушная скотина, Стоунэм. - Она заносит свой хилый кулак надо мной так, будто мечтает ударить. В который раз. - Нужно было тебя зарезать тогда. Видит дьявол, я еще это сделаю.

Сжав губы, она превратила свой кулак в жест с вытянутым средним пальцем и, отвернувшись, побежала прочь. Догнать ее проблем не было, но я совершенно не собирался этого делать.

Отрезвление пришло слишком поздно. Я и сам не ведал, что творил, перестал себя контролировать. С каждым днем я все больше и больше превращался в чудовище...

- Проклятье! - Ударил ладонью по земле, опираясь на руку, чтобы встать. Подойдя к дамбе, оглядел этот мир; эту воду, что бурлила внизу; эти деревья, что играли с порывами ветра... Эти метры, что разделяли меня от обжигающей внутренности боли.

- Что я делаю...? - Вопрос в никуда, просто в вечность. Я уже не знал, кем был и кем являлся - защитником, который хотел уберечь Ребекку от бед; собственником, который не позволял никому ее трогать, или же ее мученьями и страшным кошмаром, в котором она оказывалась рядом со мной.

Я правда не знал. Не знал, что будет со мной дальше. И сколько еще времени пройдет, прежде чем я окончательно превращусь в психа.

Глава 2.

Наши дни

POV Ребекка.

Как только я сошла с трапа самолета, доставившего меня на родину, поняла одно: я скучала по своей стране, но никак не по людям, которые меня здесь не ждали.

Ни Элина, ни папа ни разу не позвонили мне, с тех пор как я целый месяц пропадала в другой стране. Конечно, Кайл частенько писал мне сообщения и передавал для меня «приветы» и вопросы, которые, якобы, были от родителей. Но я то знала, что своим отсутствием сохранила матери кучу нервных клеток, а отцу... Даже не знаю. Наверное, повысила его социальный статус тем, что больше не мелькала между заголовками желтых газет.

Меня никто не ждал. Даже Коул не слал угрозы и сообщения в духе: «Какого черта, ты уехала? Мы еще не закончили». Да и с какой стати? Уверена, в последние дни каникул он потягивает вискарь у бассейна в окружении полуголых девиц и своих недалеких братьев.

Но это все больше не должно меня касаться. У меня будет новая жизнь.

Ту, которую я сама себе создам. Знакомство с Мерседес, которая увлекалась модой так же, как и я, сподвигло меня на создание чего-то, о чем я даже и не мечтала. Подруга неплохо рисовала эскизы одежды и однажды мне показала свои рисунки: исполнение было хорошим, но я была уверена, что смогла бы сделать вещи более стильными. Мне оставалось одно – только попробовать.

Вот что еще дарит путешествие – в скитаниях вне зоны нашего комфорта мы будто бы находим ключ к источнику огромного вдохновения внутри нас.

И, кажется, я нашла этот ключ и собиралась открыть источник в самое ближайшее время.

Я даже позвала Мерседес к себе. Не в моих правилах сближаться с людьми и заводить подруг, но в этой девушке что-то было. Сила характера, как и у меня.

Стефан же оказался закреплением результата – наши отношения были странными... Последние две недели во Франции мы провели вместе и максимум чего достигли – это легкий поцелуй, который больше был похож на поцелуй двух пожилых людей, чем на влюбленной парочки.

- В нашей семье не принято показывать свои чувства при всех, – объяснял он, когда я оставалась не очень довольна после этих осторожных соприкосновений. – К Браку мы относимся очень серьезно. Для меня очень ценно, что я нашел такую, как ты. И секса до свадьбы я не приемлю.

Под выражением «такую, как ты», он имел в виду то, что я была девственницей.

Ха. Ха. Ха. Конечно же, девственной я была только в его голове.

Не знаю, ложь о том, какая я хорошая и чистая, срывалась одна за другой до тех пор, пока я окончательно не завралась, не объявила ему о том, что невинна.

Думаю, если бы он узнал хотя бы пять процентов правды обо мне – он бы тут же разорвал со мной всякое общение, как в свое время Николас. Но я этого не хотела.

Стефан стал моим билетом в новую жизнь. Жизнь, в которой нет места Коулу. Жизнь, в которой родители будут мной гордиться.

Стефан обещал приезжать ко мне, пока буду учиться – в конце концов, я была на последнем курсе, и этот год как раз бы стал временем, за которое мы сблизимся и узнаем друг друга лучше.

Стефан был важен мне – важен только потому, что олицетворял собой мечту любой девушки. Он был принцем, который мог просто взять и увезти меня за море, перечеркнув все мои проблемы.

И все же я знала, что теперь, когда вернулась, мне не стоит так быстро радоваться – хоть Коул и молчал весь этот месяц, я уверена, что только потому, что он вынашивал какой-то коварный и грандиозный план по моему уничтожению.

В моих интересах было, чтоб Коул ничего не знал о Стефане. И все же какое-то неприятное предчувствие, как снежный ком, засело у меня в груди, как только я начала подъезжать к своему Кампусу.

- Зевс! – Еще не открыв дверь, я слышала тихое тьяканье пса, которого сегодня утром завезла мне нянечка из приюта. – Я так скучала, мой хороший.

Едва поставив здоровенные чемоданы, я опустилась на колени и крепко обняла Зевса, зарываясь пальцами в его густую черную шерсть.

- Мое чудо, - просто сказала я, соприкоснувшись с Зевсом лбами. Даже его язык, прошедшийся по моей щеке и оставивший за собой слюни, не вывел меня из себя.

Все-таки кто-то меня здесь ждал.

Я оглядела комнату вдоль и поперек, с облегчением заметив, что здесь не было никаких следов Коула – ни охапки цветов, ни загадочных коробок на моей кровати. Комната выглядела так, как я ее и оставила.

Включив Florence and the Machine – Never let me go, принялась разбирать плоды своего грандиозного шопинга. Развешивая в шкафу очередное коктейльное платье, задумалась о том, что хочу непременно надеть его на какую-нибудь вечеринку, ну тут же выругалась.

И с вечеринками должно быть покончено. Ну разве только на одну... Маленькую, на прощание.

Покончив с одеждой, отправилась в ванную, окончательно испачкавшись в шерсти и слюнях Зевса. Как только я вошла в комнату и пригляделась к ванной, застыла.

Придерживая себя за виски, попыталась унять легкое головокружение, наступившее после увиденного.

Вроде бы ничего ужасного, но одновременно настолько странное зрелище... Моя ванна была до краев наполнена белой жидкостью, напоминавшей молоко. В светлой субстанции, как ни в чем не бывало, плавали сотни лепестков синей розы.

Коул в своей ненормальности уже переходил все границы. Сама мысль о том, что он (может, конечно, и не лично) таскал ко мне в комнату цистерны с молоком, вызывала у меня отвращение. И все ради чего? Удивить? Произвести впечатление? Запугать? А может и отравить. Кто знает, что в этой белой водичке.

Как всегда, мой мистер зло не оставил меня без записки. Она была оформлена в виде пригласительной: красивая такая, из твердого кремового картона, буквы блестящие, бирюзовые. Будто бы приглашение на свадьбу.

Но я то знала, что это было приглашением на очередной урок-пытку.

Схватив пригласительное, хотела разорвать его и смыть в унитаз, не глядя, но так и не смогла. Что-то внутри (надеюсь, любопытство, а не желание вновь увидеть его) заставило меня заглянуть в записку.

«С приездом, Беа. Твой отъезд для меня был неожиданностью, признаюсь. Но этим ты только еще больше разозлила меня и дала мне время на то, чтобы оттискать твои самые слабые места. Я наблюдал за тобой. Помни об этом. Знаю, что сейчас ты пытаешься поменять свои приоритеты, и смотрю за этим с интересом. Тем не менее, сегодня, прямо в день твоего приезда, у нас в Братстве состоится вечеринка по набору новобранцев в наше наипрекраснейшее общество. Хочу видеть тебя там, а то мои братья совсем уж засомневались во мне, когда узнали о том, что я позволил тебе сбежать.

Ах да, кстати... Прими ванну с молоком. Это всего лишь молоко, правда. Все-таки вечеринка будет у бассейна, и я хочу, чтоб твоя кожа была нежной, как никогда.

Невинной, как и ты сама. Не так ли?»

Всеми силами я пыталась унять нарастающую дрожь в руках. Все во мне хотело вновь собрать вещи и умчаться - в Париж, в Лондон, да хоть в Антарктиду, лишь бы подальше от Коула. Подальше от желания его увидеть, несмотря на это отвратительное письмо с приветствием и странный намек в конце этой поэмы...

- У- БЛЮ - ДОК! - заорала я, испепелив взглядом примчавшего на мой крик Зевса. - Сраный ублюдок!

Я опустилась на колени рядом с ванной и с каким-то пустым выражением лица опустила руки в прохладную белую жидкость. Она была приятной наощупь, лепестки синих роз мягко щекотали кожу. Я собрала огромную горсть в ладони и вытащила их из ванны, чувствуя, как молоко стекает по моим предплечьям.

- Ты не забыл обо мне, - тихо самой себе прошептала я. Непреложный факт, от которого мне никуда не деться. - Не забыл, Коул.

Не знаю, чувствовала ли я радость. Но что-то определенно чувствовала. Ведь только Коул пробуждал во мне жизнь – настоящую, хоть и наполненную страданиями и болезненными эмоциями.

POV Коул.

Тишина, повисшая в небольшой комнате, нарушается лишь тихим постукиванием двух железных наручников, надетых на запястья моего отца. Я вглядываюсь в его гладко выбритое лицо и посветлевшие глаза, наполненные невыносимой тоской. Я не навещал его долгое время, и за этот период он стал выглядеть гораздо лучше. Если бы не белая просторная рубашка, наручники и полки, заваленные разными таблетками, отец вполне мог бы сойти за нормального человека.

- Ханна, - с горечью прошептал он, подняв на меня серебристые глаза, в которых я узнал себя. - Мне нужна моя Ханна. Мне нужен ты, Коул. Я хочу...

- Не смей! - Опускаю веки, слегка сжимая кулаки под столом, который разделяет нас. - Не смей говорить о ней.

- Я... - Глаза Уилла заблестели, и его руки, закованные в наручники, медленно поползли по направлению ко мне. - Вы - все, что мне когда-либо было нужно. Ты не можешь винить меня за то, что я такой.

- Я не виню тебя за это.

- Но ты боишься меня. И Ханна боялась. - Сейчас он полностью отдает себе отчет в своих действиях. Он в сознании. Сейчас Уилл Стоунэм был просто моим отцом. Влюбленным мужем. Или все же нет...?

- Я не боюсь тебя, - усмехнулся, широко распахнув глаза.

- Где она? Где моя Ханна? Где она сейчас? - лихорадочным голосом произнес отец, сжимая свои пальцы.

- В безопасности. Там, где нет тебя. - Наверное, не стоило этого говорить. Но молчать я был не в силах.

- Я изменюсь, я вылечусь, Коул. Только дай мне этот шанс. Я хочу вернуться домой... Я хочу, чтоб все было как прежде... Я, Ханна...

Я напрягся, замечая изменения в его глазах: зрачки расширились, взгляд торопливо забегал по комнате. Вены на шее вздулись так, будто внутри его тела пробуждалось вселенское зло.

- И наш маленький сын... Дрейк... Помнишь? Как поживает Дрейк? Ты кормишь его, да? Отпусти меня. Забери домой, сын, забери...

Воспоминание о том, как отец хватается пса за шкуру и два счета перерезает Дрейку горло невозможно стереть из памяти.

Он даже не скулил - не успел, - лишь жалобно взвыл, перед тем как сделать последний вдох.

Я до сих пор помню реку крови и слезы, застилающие мой мир.

- Не будет. Ничего не вернуть. - Я стараюсь стереть эту вспышку из прошлого, но не могу. - Тебе нельзя покидать это место.

Отец взревел, и его руки в наручниках безудержно заметались по столу.

- Все будет иначе! Иначе! Я исправлюсь! Я вылечусь! ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА! - Тут он накинул цепь от наручников на мою шею и резко притянул к себе.

- ТЫ УБИЛ ДРЕЙКА! Ты сделал так, чтобы мама ушла! - Меня самого затрясло, цепь передавила шею. - Я не хочу быть таким, как ты! Я не такой!

Уилл расхохотался, обнажая свои зубы в злобном оскале. От спокойного отца, каким он был еще пять минут назад, вновь не осталось и следа.

- Но ты такой, Коул! Такой... Ты уже чувствуешь это, да? Чувствуешь, как тебе нравятся некоторые вещи? Чувствуешь, Я ЗНАЮ ЭТО!

- НЕТ! - Я резко нажал на красную кнопку, хотя был уверен, что наши крики и так слышны по всей больнице.

- Я знаю Коул, знаю. Я вижу это в твоих глазах! Ты всегда был странным мальчиком, вспомни!

- ХВАТИТ! - Руками хватаю цепь на своей шее, чтобы ослабить давление. В эту же минуту в комнату врывается несколько человек со специальными приборами в руках. Придерживая Уилла, они без промедлений втыкают в его шею какой-то шприц, и на миг его серебряный взор замирает на мне, а губы что-то шепчут, не произнося ни звука:

«Ханна», - читаю я. Тут же тело отца расслабляется, и он закрывает глаза, опадая на спинку стула.

- Вот и поговорили. - Встаю и направляюсь к выходу уже в сопровождении медсестры - на этот раз новенькая миловидная блондинка, которая довольно-таки хорошо выглядит при том, что работает в таком ужасном месте.

Лоб покрылся испариной, и я прикладываю к нему ладонь, пытаюсь не казаться таким жалким. Но мне тошно. То ли от детского воспоминания о Дрейке, то ли о том, что не знаю своей матери.

То ли от того, что у меня, по сути, никого нет. И даже если я когда-нибудь сяду в психушку, вряд ли кто-то будет навещать меня здесь.

У меня даже нет сына, как у Уилла, хотя от моих посещений ему не легче.

Конечно, есть бабушка и дедушка. Но в последнее время мы не очень близки. Это к лучшему - мне не хотелось бы, чтобы они видели все это. Они заслужили достойную и спокойную старость.

- Ох, - тяжело вздыхает милая блондинка. - Не ожидала, что будет так. В последнее время он был спокойным. Отключался, конечно, но не вел себя так.

Мы шли по коридору, и я старался не обращать на нее никакого внимания. Я вообще старался не смотреть на девушек, потому что слишком часто видел в любой из них лишь одну.

- Он сильно поранил вас? - Когда мы остановились возле стойки, на которой я должен был отметить время посещения, она слегка задела меня за край рукава и уже собиралась потянуться к шее. Неслыханная глупость с ее стороны.

- Я в порядке, - четко проговорил я, не глядя на девушку. Уверен, на ее лице сейчас явно разочарованная, но сдержанная улыбка.

Хорошая такая девочка, наверняка. Все медсестры такие. Наверное, пришла сюда потому, что очень хотела помогать людям. Вся такая самоотверженная, милая и добрая. Идеальная. Такая никогда не кричит, не закатывает истерики и всегда спрашивает о том, не сильно ли меня поранили.

Бекка бы никогда не стала медсестрой.

Спрашивала ли она меня о моих ранах? Заботливым, едва тихим голосом... Разумеется, нет. Она сама нанесет раны, еще и сверху соли насыплет.

- Когда вы придете в следующий раз? - с надеждой спросила она, но я уже расписывался в большой тетради, аккуратно прописывая свое имя. Громко захлопнув книгу, бросил на стол ручку, и, развернувшись, ушел, чувствуя на себе ее нежный взгляд, который был не в силах

меня согреть.

- Мой любимый день в году. - Мы с Гидеоном оглядывали наши окрестности: бассейн, сад, украшенный для вечеринки, и несколько людей, передвигавшихся по нему. К знаменательному дню мы наняли прислугу и даже не поскупились на украшения для вечеринки: вся площадь была усыпана шарами с изображением герба нашего Братства и греческими буквами. Рядом с бассейном стояли Ди-Джейский пульт и несколько столиков с закусками и морем выпивки.

- Набираем новобранцев. - Я кивнул, глядя на то, как одна из горничных наклоняется, чтобы поправить на траве шарики. Только поправлять там нечего, она, очевидно, специально это делает, чтобы продемонстрировать нам с Гидеоном свое белье.

- У нее неплохая задница, - ухмыльнулся он, подняв одну бровь. - Мой любимый размер. Но скоро здесь будет очень много таких задниц...

- О да. - Я промолчал, о какой именно заднице подумал в этот момент. Черт, я не видел Ребекку целый месяц. И не знаю, что будет со мной, когда она попадет в поле моего зрения. Лишь бы не накинуться на нее - только самообладание и контроль.

- Сколько мы отбираем претендентов на этот раз? - Гидеон имел в виду новых членов братства, которые в течение пяти месяцев должны будут прислуживать нам и выполнять любые наши поручения. Нам с братьями только оставалось придумать испытания пожестче. К счастью, устав Братства все придумал за нас и давно. Из года в год все задания были примерно одинаковыми.

Каждый претендент получал какое-нибудь глупое жалкое прозвище. Читал стихи или пел песни на обеденных перерывах. Ну это так, цветочки. Потом все плавно переходило в побои, с нашей стороны, в налеты среди ночи - обливания какой-нибудь мерзостью и прочее. Чем ужаснее, тем лучше. Ведь нам не нужны были сопляки. Как правило, в конце испытаний оставалось человек пять.

И взамен они получали все, что хотели: власть, деньги, ключи от всех дверей, наших девочек, ну и нашу «братскую дружбу».

На мои плечи в последнее время упало слишком много - я постоянно улаживал дела с полицией, которые активно начали копать под нашу организацию. Обычно копы не трогали студенческие братства, так как, для виду, такие как мы всегда вели какую-нибудь хорошую деятельность, выставленную на показ, - благотворительность, различные фестивали.

В глазах общества мы должны выглядеть милой организацией студентов, иногда устраивающих вечеринки, но никак не контрабандистами и торговцами оружием. Когда я вступал сюда, то и сам не думал, что столкнусь с таким. Но, как оказалось, все было правдой.

Ребятам же нужно было наращивать денежный оборот. Да и мое наследство не вечно. Меня радовало лишь то, что заправляли этим Гидеон и Алекс – я же, как лицо братства, был ответственен за отношения с полицией и прочую чепуху.

- Думаю, десять-пятнадцать, - наконец ответил я, расправляя плечи.

- Ребекка придет? – вдруг спросил Гидеон, глядя мне прямо в глаза. Я сразу почувствовал что-то не то. Бекка нравилась этому ублюдку. По тем же причинам, что и мне. Он хотел Ребекку, и это было понятно даже по тому, что он вспомнил сейчас о ней.

- С какой целью интересуешься, брат? – прищурился, оглядывая Гидеона с ног до головы.

- Проверю тебя. Сдается мне, у тебя к ней не хилые чувства.

- Чувства? Пф...- Меня аж перекосило. Главное - не перестараться с эмоциями. – Я просто ее трахаю.

- Поэтому ты так сильно настаивал на том, чтобы мы ее не трогали? Жаль поделиться?

- Есть такое, – как можно более сдержанно подметил я. – Когда наиграюсь, обязательно тебе сообщу.

- Ну разумеется. – Он расплылся в притворной улыбке, которая означала только одно «Стоунэм, ты что-то скрываешь. И я узнаю что».

С Гидеоном нужно быть осторожнее.

Да, интересное у меня будет время за шаг до сумасшествия. Гидеон. Еще какой-то павлин из Монако, о котором мне уже все прекрасно известно.

Я знал почти все об отдыхе Бекки во Франции. Я даже был рад тому, что она туда съездила – этим самым девушка подарила мне столько козырей, которыми я сыграю против нее.

Сейчас мне остается только гадать, почтит ли она нас своим присутствием сегодня вечером.

- Как президент «Дельта Зет»... – В моих руках бита, и я стою на возвышении в окружении своих братьев и прибывших кандидатов.

- И как Вице-Президент, мы объявляем... - дополнил меня Александр, стоявший рядом. Несмотря на то, что нам предстояла вечеринка у бассейна, мы были одеты официально: рубашка и галстук с гербом «Каппа Зетта Дельта». Бита была главным атрибутом всех наших собраний.

Связано это было с Кодексом нашего Братства (да уж, здесь все как в настоящей секте, и, если честно, она меня начала серьезно затягивать). Гимн, правила, различные слоганы и другие ритуальные обряды я знал наизусть, как и полагалось Президенту.

Короче говоря, во время отсутствия своей игрушки номер один я совершенно не скучал.

- Первое собрание Братства в новом году! В новом сезоне. И приветствуем наших новичков! - Я оглядел полных энтузиазма странноватых парней, которые еще не были удостоены чести носить нашу форму.

- «Рыцарство превыше всего»! - хором заорали с Дюжину моих «братьев», и я одобрительно кивнул.

- Наш слоган, запомните. Я надеюсь, это не трудно. - Александр ухмыльнулся, потирая руки. Наверное, не терпелось над кем-нибудь поиздеваться. Об этом мечтал любой из моих братьев, ибо они, когда вступали в братство, проходили тот же самый отбор. И сейчас они желали отыграться.

Пройдет пару лет, и новобранцы повторят это с новыми прибывшими, и так многие десятилетия и столетия, пока будет существовать наше Братство. А жить оно будет вечно. Мне удалось избежать всего этого, благодаря своему имени, а этой чести достаивались лишь единицы.

Я Президент и точка. Нет ничего, что я не мог бы контролировать. Конечно, кроме демона, который живет внутри.

- Я сделаю так, чтобы этот год вошел в Историю!

- Не знаю, в курсе ли вы, ребята, но «Дельта Зет» славится своими безумными пьянками, лучшими девочками и самой классной дурью. - Александр нажал на кнопку пульта в его руке и включил настенный телевизор.

Кадры на экране замелькали: сначала появлялись крупные цифры на черном фоне с изображением определенного года. Гидеон лично подготовил небольшой мини-фильм о нашем Братстве и о лучших вечеринках прошлогодних лет. Он позаботился о том, чтобы в коллекцию были собраны самые безумные кадры с драками, льющимся рекой алкоголем, громкой музыкой и девушками на любой вкус и цвет. В Братстве творился настоящий трэш, о котором все догадывались, но никто об этом не знал. Кроме, конечно, постоянных посетителей наших вечеринок. Но, как правило, это были мы - сами братья, шлюхи и избранные девушки, которых

мы хотели видеть, вроде Ребекки.

Им было не выгодно рассказывать о нашей деятельности, ведь тогда они автоматически становились соучастниками этого безумия.

Под конец фильма все присутствующие в зале громко заорали, поднимая руки вверх!

- Этот год будет самым безбашенным, самым безумным в нашей Истории! Сегодняшняя вечеринка – только цветочки. Отныне, вы становитесь нашими Кандидатами! И уже к завтрашнему дню вы должны знать все наши правила, гимны и слоганы! Сегодня мы позволим вам веселиться вместе с нами, но вы должны понимать, что встаете на нелегкую дорожку, и в конце испытаний вас ждет «Адская неделя» (прим. Время, когда оставшиеся Кандидаты на вступление проходят самые жуткие последние испытания)!

- Вы знаете, это будет жутко! И очень нелегко. – Александр указал рукой на стену, где висели фотографии наших предшественников и старейшин, как мы назвали их между собой. – Так что задайте себе вопрос. ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ОКАЗАТЬСЯ НА ЭТОЙ СТЕНЕ РЯДОМ СО ВСЕМИ ГЕРОЯМИ ПРОШЛОГО? ХОТИТЕ, ЗАКОНЧИВ СТУДЕНЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ В БРАТСТВЕ, СТАТЬ ВЛАДЕЛЬЦАМИ ВСЕГО МИРА? Мы можем дать вам небывалые возможности, безудержное веселье в обмен на ваши деньги и Верность Братьям!

- ДАА! ДАА! – Несколько десятков мужских теноров заорали в унисон. Мы заглушили даже музыку, доносившуюся снаружи, где у бассейна нас уже ждали алкоголь и девочки.

- Братьев скрепляет особая связь, – продолжил я, когда все немного успокоились. – Несмотря ни на что, мы – семья, которую выбрали сами. Каждый из нас был по-своему одинок, когда мы вступили в братство.

Я посмотрел на Тристана, что все это время молчал.

- Трис стал жертвой развода своих родителей. Алекса вышвырнули из баскетбольной команды за драки, как ненужный мусор. У каждого из нас своя история. Но вместе мы – сила!

- «Верить в путь любви, идти дорогой чести, служить идеалам тьмы: вера во власть и успех – и есть идеалы "Дельта Зет"». Это и есть девиз нашего Братства! – хором провозгласили Братья.

- Дельта Зет!

- Дельта Зет! Дельта Зет! – шепотом, как тайное знание, произнесли мы и сложили наши руки вместе, встав в круг.

- Так, давайте начнем этот год так, чтобы его запомнил каждый!

- Ты хотел сказать: так, чтобы никто ничего не запомнил? - подметил Гидеон, намекая на то, что сегодня мы пропьем и прокурим все свои воспоминания.

- Да, именно это я и имел ввиду. - Я направился к выходу с битой в руках и распахнул двери.

О да, зрелище было идеальным. Громкая танцевальная музыка, девочки в купальниках, плескающиеся в бассейне. Много еды, алкоголя и запаха сигарет и травки.

Все наши вечеринки проходили под одним кодовым названием: «Прожигатели жизни».

Ребекку в толпе разбежавшихся братьев я пока не видел. Возможно она вновь покрасила волосы или что-то в этом роде. Она же любила меняться.

Придется пока развлечь себя другими способами.

К счастью, от мыслей о Ребекке меня как раз отвлекла девушка, подоспевшая вовремя. Облачена она была лишь в короткую юбку и верх от купальника, прикрывавший небольшую упругую грудь.

- Коул Стоунэм. - Она облизнула свои губы, прикоснувшись к верхним пуговицам моей белой рубашке. - Вечеринка у бассейна, не так ли?

- Да, сладкая, - подыграл ей я, вглядываясь в ее пустые, но очень яркого зеленого цвета глаза.

- Я могу помочь тебе соответствовать Дресс-Коду. - Ее ловкие пальчики расстегивали пуговицы с невероятной скоростью, и уже через несколько секунд я остался без рубашки.

- Это оставь, - попросил я, когда она дотронулась до моего галстука.

- Как скажешь, мой Президент, - шепотом проворковала она, наматывая на палец прядь из светлых волос. Мне никогда не нравились блондинки. Но, в принципе, сойдет, будет очень кстати, если Бекка увидит меня в окружении красивых девочек. Пусть понимает, что все это время без нее я не скучал.

И пусть это будет ложью в последней инстанции. Потому что правда состояла в том, что я не мог по ней скучать.

И я не вспоминал Ребекку - в этом не было необходимости.

Она всегда находилась во мне, рядом со мной, будто бы она забралась мне под кожу.

Глава 3.

POV Ребекка

- Что? Этот больной налил в твою ванну молока и усыпал ее лепестками синих роз? – Мерседес уставилась на меня через экран моего ноутбука. После всего того, что увидела в ванной, мне стало так плохо и одиноко, что я была больше не в силах держать все в себе. Мерс как раз позвонила мне, чтобы узнать, как я добралась до дома – и вот результат: я выложила ей все, прямо как тогда Кайлу на качелях. Не знаю, что на меня нашло. Я не должна так доверять ей. И все же слова не вернешь – целых полтора часа ушло на то, чтобы рассказать Мерседес нашу с Коулом историю.

- Слушай, а он мне нравится. – Она расхохоталась, расплываясь в широкой улыбке. – Да, у него, конечно, явные проблемы с головой, и все же... Вы – горячая парочка.

Я со злостью посмотрела на Мерс, подавив в себе желание быстренько захлопнуть ноутбук и отправиться с Зевсом на пробежку.

- Ты не понимаешь, Мерс. Он за мной следит, знает буквально о каждом моем шаге. Я уверена, у него есть против меня все. А взамен...

- Ты должна ублажить его в постели. По-моему, так себе мучение, не находишь? – продолжала шутить она. – Скажи мне, вот что мучительного в оргазме?

- Все не так просто. Он унижает меня. Перед всеми. Перед собой только в первую очередь.

- Ну не знаю... Может, у него есть к тебе чувства, просто они такие... Своеобразные?

Я и забыла это чувство – то, что ты можешь с кем-то обсудить свою жизнь. Свои проблемы.

- Нет, однозначно. Он просто псих, который любит трахаться, – поставила диагноз я, и мы рассмеялись вместе. – Нет, я серьезно... Я хочу, чтобы все было теперь по-другому. Я устала быть для всех вселенским злом. Я хочу вырасти.

- Ну что же тебе мешает? Занимайся своими делами, скинь привычную маску стервы, но вот цену себе знай.

- И... Что это значит?

- Это значит, что ты просто обязана пойти на эту грандиозную вечеринку и предстать перед ним. Сексуальной, уверенной, красивой. Ты должна четко и ясно дать понять, что тебе не страшны его угрозы.

- Я делала это и много раз! – возразила я, вспоминая то, чем обычно все заканчивалось. Например, тем, что Коул отослал мои «грязные» фото Элине и Николасу.

- Так сделай еще раз. Это лучше, чем закрыться в комнате и ничего не делать! Продолжай вашу игру... И в момент, когда он будет думать, что ты принадлежишь ему, нанеси удар в спину. Сделай ему еще больнее.

- И как? У меня на него ничего нет, – фыркнула я, поражаясь тому, как у этой мулатки все просто.

- Сейчас – нет. Но в нужное время решение придет само собой. Когда вы сблизитесь. Он – хороший психолог, не более, и играет на этом. Настало время быть и тебе похитрее – узнать о нем побольше.

Я прислушалась к Мерс, понимая, что она права. Коул каким-то чудесным образом знал обо мне все вплоть до моих любимых цветов и вкусовых предпочтений. Я же не знала о нем ничего – все от его татуировок до мыслей в голове представлялось мне непроглядной тьмой без единого лучика света.

- Сблизься с ним, – сделала заключение Мерседес, играя бровями. – Конечно, придется пожертвовать чем-то. Но я не думаю, что ты сильно опечалишься, когда придется еще не раз оказаться в его постели. Думаю, тебе это нравится.

- Нет, – слишком резко заверяю я, тут же вспоминая прикосновения Коула. – Нет, да там... Смотреть-то не на что.

- Не ври. Я уже погуглила. Чертов красавчик. – Она поджала губы, уставившись в свой телефон. – Согласна, внешность необычная, но что-то в нем есть. Его взгляд даже через фотку пробуждает мурашки. Ух. Я бы сама с ним...

- Да пожалуйста, – проворчала я, делая равнодушный вид. Меня вдруг выбесила эта привлекательность Коула. Его обаяние, его взгляд, все это действовало на девушек довольно мистическим образом. Несмотря на его шрам, на то что он не обладал такими же идеальными чертами лица, как, например, Брэд Питт или даже всем известный Максимилиан Кенинг (отсылка к первой части серии «Позволь мне тебя коснуться»).

- Так что немедленно надевай свой самый красивый купальник и иди туда. И ничего не бойся. Главное – создать в его голове иллюзию, что ты полностью под его контролем. Только тогда ты сможешь выудить все, что тебе нужно, и использовать свои знания против него. А я пока пороюсь в Интернете, может быть вычитаю про него что-нибудь интересное.

- Хорошо, пожалуй, так и сделаю. - Я впала в легкий ступор, мысленно перебирая все свои купальники. На повестку вечера вставал лишь один вопрос: какой из них одеть?

В Братстве очень редко проводились открытые вечеринки, но первая в году всегда была такой. Конечно, и на нее попадали не все - лишь кандидаты, которые хотели узнать о Братстве больше и вступить в него, и новые девушки. Нужно же было Братьям искать новых жертв.

На самом деле, девушки мечтали сюда попасть - каждая лелеяла мечту о том, что завладеет влиятельным мужчиной и после окончания колледжа станет чуть ли не первой леди.

Ага, если к тому времени у ее парня не появится куча проблем с законом. После того, что я увидела в комнате для прислуги братства, поняла одно: вся их общественная деятельность во благо, хоть и была полезной, являлась всего лишь прикрытием грязных дел.

И все же они не скупилась - может быть, тратя деньги на благотворительность, они надеялись заплатить за свои грехи, но что-то я с трудом верила, что у Александра, Коула, Гидеона и других вообще есть совесть.

Хотя, и я никого не в праве осуждать после того, что сделала. Возможно, для меня уже нет правильной дороги. Но если я не попытаюсь, то так никогда и не узнаю об этом.

До особняка я доехала за несколько минут - на такси. Не очень-то мне хотелось добираться до сюда пешком, на каблуках, еще и в прозрачном платье-кимоно, под которым у меня был лишь черный слитный купальник с глубоким V-образным вырезом до пупка.

Темные коридоры, освещенные цветомузыкой, встретили меня под саундтрек Major Lazer - Lean On. Один из братьев на входе посмотрел на меня как-то подозрительно долго, но пропустил без вопросов. Коридор был усыпан шарами с гербом «Дельта Зет», а плакаты на стенах стрелочками показывали мне проход к бассейну и прилегающей к дому территории.

Я и без этих стрелок прекрасно знала куда идти: воспоминания об этом особняке, внушающие страх, ужас и отчаяние, захватили меня. Сделав глубокий вдох, попыталась прийти в себя, но взгляд сам упал на лестницу, ведущую вниз - на территорию Коула. Всего несколько шагов, и я могла бы оказаться в его кабинете, где мы устроили драку.

Там, где я разбила настенные часы, толкнув его прямо на застекленный циферблат. В его комнату, где испытала целый спектр эмоций, находясь в его власти.

Найти его слабое место. И использовать против него.

Я вышла на открытую террасу, оглядывая всех присутствующих. Очень много девушек и

где-то три десятка «братьев». Некоторые расслабляются в бассейне, кто-то занят алкоголем и едой. Кто-то участвует в конкурсах – скорее всего, они для Кандидатов, которые должны пройти свои первые испытания. Кое-кто даже валяется на траве, обнимаясь с бутылками пива. Никто даже и не заметил моего появления – виной тому свет или затуманенные разумы всех, кто здесь находился.

Мой взгляд сам нашел Коула – даже боковым зрением я поняла, что только он может восседать на кресле у бассейна. На коленях его устроилась светловолосая девушка, и его рука обвивала ее хрупкую талию. Как только я увидела татуировку скорпиона на его предплечье по телу пробежался иней, пробуждая внутри сотни связанных с Коулом воспоминаний.

Не важно, что рядом с ним была девушка и не одна. Вторая нежно массировала его плечи, что-то действительно шепча парню на ухо. Лицо Коула при этом было снисходительным с едва заметной улыбкой. Глазами он никого не искал – скорее наоборот уставился в одну точку, будто бы сдерживал свой взгляд.

Все это было не важно.

Я видела его. Он находился рядом уверенный в том, что они смогут заменить меня. А может, выжидающий моего появления.

В любом случае, мне нужно что-то сделать, чтобы появиться эффектно, а не выглядеть истеричкой, отгоняющей от него приставучих телок.

Гордо расправив плечи, я потянула свое кимоно за края и сняла, оставаясь в одном купальнике. Кто-то заметил это зрелище и показал на меня пальцем, вскрикнув:

- Смотрите! Это же Картер! – Его голос сопровождали кивки и одобрительные возгласы «снимай купальник!».

Я не думаю. Я просто прыгаю в воду. Она приятная, теплая, и достигаю самого дна бассейна, касаясь его руками. Как бы мне не хотелось спрятаться от всех взглядов, всплыть все же придется.

Я вынырываю из воды, откинув голову назад, и взмахиваю волосами. Лестница, ведущая к выходу из бассейна, рядом, и я хватаюсь за поручни, чтобы выйти.

Ловлю на себе пристальный взгляд Коула, и с удовлетворением замечаю, что девушек вокруг него больше нет.

Интересно, он прогнал их, или они отошли, чтобы вскоре вернуться?

Смотрю на сероглазого Дьявола с вызовом так, будто не боюсь ни его слов, ни его угроз,

что вот-вот вырвутся из его губ. Но кидать он их не спешит – его губы застывают в усмешке, в глазах черное пламя. Пока я замираю в позе, упираясь одной рукой в талию, он картинно взмахивает руками и хлопает мне.

- Ребекка, - выдыхает он, сохраняя лед в своем голосе. - Ты пришла.

- Я не могла упустить шанса... Искупаться.

- Тебе не хватило моря в Монако? – процедил сквозь зубы он, и я уловила нотки собственничества в этой фразе.

- Я не люблю открытые воды. – Коул встал с кресла и направился прямо ко мне. Его взгляд бесстыдно блуждал по моему телу, будто бы он не мог насытиться увиденным.

- Картер, прыгни еще раз! Сними купальник! – доносились подобные крики из толпы, на которые я не обращала внимания.

Я же пыталась смотреть в его глаза, а не на рельефный обнаженный торс и галстук, повязанный на его шее. Кстати, замечательный атрибут на тот случай, если вдруг понадобится придушить его.

- Соскучилась? – Ладонью и взглядом он приказал всем замолчать. Кандидаты тут же отвернулись от нас, а остальные братья продолжили развлекаться с девочками. Вечеринка продолжилась, и на нас с Коулом уже никто не смотрел. Я же еле сдерживала свои ноги на месте, по мере того как он наступал на меня.

Волны энергии, исходящие от его тела, действовали на меня так, что хотелось убежать мгновенно и без промедлений.

Я лишь коротко качаю головой из стороны в сторону, стараясь сохранять внешнее безразличие.

- А вот я скучал, - произнес Коул, оказываясь в шаге от меня. Его руки приоткрылись, чтобы обнять меня, и это насторожило: с чего вдруг эти нежности?

- Неужели? – Я вдруг почувствовала себя неуютно в этом мокром купальнике и быстро перекинула волосы к себе на грудь, чтобы хоть как-то прикрыть наготу.

- Да, я скучал по тебе. – Коул вдруг изменился в лице и наклонился к моему уху, чтобы прошептать это. Его рука бесцеремонно коснулась моей талии, и, приобняв ее, он повел меня вперед – со стороны казалось, что мы пара и отправились на прогулку, да только вот я совершенно растерялась от такого поведения.

Настолько, что даже ни слова не сказала, пока он вел меня к дому в небольшую беседку, расположенную поодаль бассейна.

- А вот ты, как я понимаю, нет. – Глаза Коула сузились, когда мы оказались в каменной беседке. Здесь не было ничего, кроме нескольких горшков с цветами.

Его рука по-прежнему давила на мою талию, но я была не в силах ее одернуть.

Я замолчала, опустив взгляд. Что-то странное происходило прямо сейчас. «Скучаю» - так искренне звучало это слово в его устах. Но я знала, что в делах с Коулом от всего нужно ждать подвоха и обмана. К тому же, теперь у меня есть Стефан. Я надеюсь... На какое-то будущее с ним.

- Не в моих правилах скучать по человеку, который меня раздавил. Тогда, на дамбе... Ты все сказал. - Я наконец одернула его ладонь и прислонилась к каменному столбу, заведя себя в тупик.

Он сделал глубокий вдох, сжав побелевшие кулаки. Мое сердце опустилось в пятки, когда он взглянул на меня исподлобья, и в один миг его сладкий голос сменился разрушительным гневом.

- Поэтому ты нашла утешенье в объятиях этого французишки? – рявкнул он. Желваки парня были напряжены – первый признак злости в образе Коула Стоунэма.

- Откуда ты знаешь? – Я склонила голову набок. – Хотя, стоп. Даже не так. Какое тебе дело?!

- Ты действительно не понимаешь? – усмехнулся он, продолжая гореть от злорадства. Ох, это было безумство. Еще никогда, я не видела такой ревности в его глазах.

- Ты – моя игрушка, – снова повторил он, потирая костяшки пальцев на своей руке. – Не чья-нибудь. Моя.

Моя.

Звучало бы мило, если бы не этот взгляд и тон, который обрекал меня на вечные муки.

- Коул, когда ты наконец поймешь, что мир вертится не вокруг тебя? – Я скрестила руки на груди, чувствуя себя так более защищенной. – Я никогда не была твоей. Это иллюзия лишь в твоей нездоровой голове!

- Зато я отлично знаю, какую иллюзию ты создала в голове этого наивного идиота, –

фыркнул Коул, явно поражаясь глупости Стефана. – Девственница? Ты шутишь?

Казалось, что внутри меня даже кровь застыла – ну как, как он мог все знать?!

- Я наблюдал за тобой, - вновь повторил излюбленную фразу он, отвечая на мой вопрос вслух. – Бедняга. Он даже не представляет, каких размеров разочарование его ждет...

- Ты охренел?! – Коул и его грязный язык не знаю никаких границ, и это меня достало.

- Дай-ка подумать. – Он сделал вид, что задумался, приложив пальцы к подбородку. – Еще нет. Обнаглел, это когда – так. – Коул сделал шаг ко мне, и я в миг почувствовала его горячее с привкусом сигарет дыхание на своей коже. Он развел мои руки перед собой и зажал запястья на бортах беседки. – Вот так. – Освободив одну руку, он обхватил мою грудь ладонью, дотронувшись до соска, просвечивающего через тонкую ткань купальника.

Его палец прошелся по кругу, и, не почувствовав моего сопротивления, он ловко отодвинул черные края, и обнажил мою грудь.

- Коул, прекрати. – С мольбой в голове попросила я, понимая, что весь мой план рухнул, как и предполагалось. Я могла не стараться. Лучше было бы вовсе не приходиться.

Безвольная игрушка. Я только что позволила ему вновь лапать меня.

- Убери свои руки, я сказала!

- А то что? – нахально и грубо поинтересовался он, сильнее сжимая мою грудь в ладони. – я соскучился по твоей большой груди, которая так легко поддавалась моим ласкам.

Его голос перешел на хриплый шепот, который действовал на меня магически. Черт... Соберись, Бекка.

- Коул, я теперь с другим. – Конечно, это не было правдой. Наши отношения со Стефаном были на стадии знакомства, и все же даже о нем я знала больше, чем о Коуле, несмотря на то, что со вторым мы знакомы со школы. – Я пришла сюда только потому, что ты позвал меня. И я пришла попросить тебя, чтобы ты больше так не делал. И предложить... Перемирие.

- У нас не может быть никакого перемирия, наши отношения – не союз. Мы не равны с тобой. Ты всегда будешь у моих ног, Ребекка. – я прекрасно поняла, на что он намекал. – Или ты забыла? Может, тебе напомнить?

Свободной рукой он схватил меня за волосы, исследуя их руками. От чувств, захлестнувших меня, немели даже кончики на пальцах ног.

- Н-не надо, Коул. Прощу, оставь меня в покое. Я хочу быть с ним. Хочу новой жизни. Я хочу все начать заново и без тебя.

- Тогда тебе придется разделиться, Бекка. Можешь общаться со своим французской сколько угодно, да только в постели ты все равно будешь моя...

- Нет!

- И я продолжу свое любимое дело, только на этот раз я придумал еще более изощренные издевательства и игры. О да. Я уже вижу слезы в твоих глазах...

Мой взгляд предательски затуманился. Дьявол, Ирод, истязатель.

- Нет! Этому не бывать!

- А иначе, у тебя все равно с ним ничего не получится, - с разочарованием подметил Коул, продолжая поглаживать мою грудь медленными, дразнящими движениями. - Ведь одно мое слово, подкрепленное парочкой фотографий, и твоя надежда на счастливое будущее развеется, как дым. Я думаю, этому прилизанному Графу будет интересно получить парочку писем на его электронный адрес.

- Ты этого не сделаешь! Не сделаешь!

- Конечно, нет. - Лицо Коула замерло всего в паре сантиметров от моего. - Если ты будешь слушаться. Делать все, что я хочу. Умело проглатывай всю боль, что я буду тебе причинять. И перестань сопротивляться...

- Да ЗАЧЕМ?! Зачем тебе все это нужно?! - не выдержала я, посмотрев в потолок, чтобы избежать слез. Я уже несколько раз пожалела, что вернулась домой. Противоречивые чувства боролись во мне непрерывно: тело так и тянулось к Коулу, а вот душа жаждала свободы, которой не могла себе позволить.

- Мне нравится. Даже сейчас я счастлив, наконец-то сжимая тебя в руках. Беззащитную, но волевою. Ты мне нравишься, Ребекка. - Он наклонился к моей шее и стал покрывать ее дерзкими укусами так, будто хотел испробовать моей крови. - Видишь, я даже признаю это. Ты мне нравишься, нравишься... Я без ума от твоей кожи, и я так по ней скучал... По твоим большим холмикам...

Коул прорычал, окончательно оголяя мою грудь, втягивая между зубов мой сосок. Я захныкала, тая от его повелительных прикосновений.

- Коул... Н-не надо.

Но он уже с силой тискал мою грудь, не оставляя ее без внимания своих настойчивых губ. Черт, только бы не потерять сознание. Только бы не упасть прямо здесь, позволяя ему вытворять со мной все, что он пожелает.

- Ты должна благодарить меня. - Он вновь поднимается и смотрит на меня. Его губы распухшие, лицо до ужаса довольное. Он уже не делает вид, что равнодушен ко мне, мы уже оба прошли эту стадию. Теперь мы на стадии: «Да, я не равнодушен к твоему телу. А вот душу твою я покалечу на раз-два». - Я позволяю тебе общаться с ним и строить отношения. Без физического контакта, разумеется. Ведь это...

Он бесцеремонно опустил свою руку меж моих бедер и коснулся моего влажного центра, обнажив зубы в удовлетворенной усмешке.

- Принадлежит мне. Ты вся. - Его слова вводят в транс, я не могу поверить, что вновь ведуся на его уловки. Ощущение от его пальцев приятнее в сотни раз просто потому, что я так давно его не чувствовала. - Моя послушная киса, - процедил он, проводя пальцами по моим губам. Он надавил на мой рот, проникая в него большим пальцем. Я забыла сделать вдох - настолько была зачарована его серебристо-черным взглядом. Коул... Затягивал меня в свою черную дыру - в место, где я уже была не властна над своим телом и разумом. В место, где правили другие законы физики. Там, где и вовсе не было этих законов.

Я теряла гравитационное притяжение, стоило мне только заглянуть в его глаза - без дна и покоя.

- Благодарности ты от меня не дождешься. - Я хотела сказать что-то острое, что задело бы Коула, но остановила себя, вспомнив слова Мерседес.

Я не должна воевать с ним.

Я должна сблизиться с ним.

- Но ты прав. - Я поймала его пальцы зубами и слегка прикусила его до боли. Коул нахмурился. - Я в игре.

- Что? - Он явно не ожидал от меня таких слов. Наверное, уже всю представлял меня ползющую перед ним на коленях. Но этому не бывать.

- Ты слышал. - Он убрал палец с моих губ, прислушиваясь. - Пусть будет так, как хочешь ты. Считай, что я твоя игрушка, делай что угодно. Но и я буду делать то, что нравится мне.

Лицо Коула застыло, скрывая абсолютно все эмоции, спрятанные в его душе. Лишь пульсирующая венка на лбу выдавала его ярость и пыл.

- В следующий раз, когда я окажусь в твоей постели, знай: мое сердце принадлежит другому. И...

- Да плевать мне кому принадлежит твое сердце! - Его пальцы резко врезались мне в плечи.
- Понимаешь?!

- Пусть так, - высокомерно согласилась я, сохраняя силу в своем взгляде. - Тогда ты не сильно расстроишься, если будешь видеть меня с другими. С твоими братьями. Со Стефаном.

Коул дернул меня на себя, стремительно прижимая к своему телу. От соприкосновения с его гладким и сильным торсом я судорожно вздохнула, едва не застонав.

- Это же всего лишь игра, а я твоя игрушка. Так играй со мной, когда тебе хочется. Но свободу ты мне уже пообещал, а джентльмены не берут своих слов назад, верно?

Наши лбы столкнулись, и вот мы уже жадно дышим друг другу в губы. Все во мне мечтает слиться с губами Коула, но я знаю, что не могу позволить себе этого прямо сейчас.

В моей голове рождается гениальный план по сближению с ним, по уничтожению Коула - все это чистой воды вдохновение, когда отдельные части пазла вдруг соединяются воедино.

Он сделал все, чтобы покорить меня. Теперь я сделаю с ним то же самое. И в момент, когда он откроется мне, приклонится... Я раздавлю его, как песчинку.

- Верно. - Наконец смирившись, он отпускает меня, не прерывая зрительного контакта. Его взгляд падает на мою обнаженную грудь, и я поправляю купальник, чтобы прикрыть ее. Не считая того, что вид у меня, теперь, слегка потрепанный, я еще могу продолжить вечеринку.

- Я пришла на вечеринку. И я - твоя гостья. Так что, я думаю, тебе следует быть более Гостеприимным.

Я обхожу его с левой стороны, но он берет меня за запястье и, прищурился глазами, произносит:

- Только попробуй с ним переспать, Бекка. С ним или с кем бы там не было. Полигамность - это мужская привилегия.

- Думаю, переживать тебе не стоит. - Я прошлась языком по верхней губе, подразнивая его.
- Стефан украл мое сердце с первого взгляда, но достанусь ему я лишь после свадьбы. В отличие от некоторых, он умеет ухаживать за девушкой и добиваться ее. А вот с твоими Братьями я бы пообщалась.

- Зачем? - Его пальцы сомкнулись на моем запястье, словно стальные цепи. - Они терпеть

тебя не могут! Только попробуй... Хочешь, чтобы я вернулся к шантажу?

- Ты уж определись. Ты дал мне свободу, - парировала я, вырываясь из его хватки. - Я пообщаюсь с ними... Всего лишь. Теперь, я - новая Ребекка Картер.

Смерив Коула бесстрастным взглядом, пошла прочь, оставляя его наедине с собой. Пока иду, всей кожей чувствую, как он провожает меня взглядом. Как он смотрит на мои бедра... Не знаю, как объяснить это, но я уверена, что он хочет меня остановить.

Побежать за мной.

Забрать, завладеть и утащить к себе.

Но так он подорвет свой авторитет, наша игра закончится, и мы превратимся в жалкие подобия самих себя.

Мы не такие.

Нам необходимо бегать по лезвию бритвы и танцевать на вершине пропасти. Или лежать на краю дамбы.

Для нас это все равно, что дышать. Причем после задержки дыхания.

Я вновь подхожу к бассейну, ловя на себя взгляды недовольных девушек и откровенно глазающих на меня Кандидатов. Кто-то из них уже напился, одного из них извальяли в некоем подобии грязи - один из первых Ритуалов посвящения.

Я прекрасно знала, как жесток отбор в их мафиозную секту. Слабеньких сюда не брали, поэтому почти все члены Братства были похожи друг на друга - все жестковатые, дерзкие и лицемерные. Нужно же было им притворяться хорошими и уметь льстить людям. Иначе, вся грязь, что они вершили, уже давно бы вылилась наружу.

- Ребекка, ты выглядишь странно. - Ко мне подошел Гидеон, облаченный в расстегнутую рубашку и галстук. - Что заставило тебя вернуться в наш дом после того, как ты сдала нас копам?

Он знает. Удивительно, что он так спокойно об этом говорит.

- Ничего личного. - Я повела ресницами, глядя на него с напускной нежностью. - Я думаю, ты простишь мне эту маленькую ошибку.

- Ошибку? Если бы твой план сработал, нас бы сейчас здесь не было, - выплюнул он, приглаживая свои и без того прилизанные русые волосы. - Это был поступок очень плохой девочки.

- Ну теперь я изменилась, Гидеон. - Я улыбнулась, взяв его за руку. С удивлением поняла, что делаю это с легкостью - абсолютно ничего не испытывая. Кажется, я могу сделать с Гидеоном все, что угодно, но это не вызовет во мне ни капли эмоции. - Теперь все будет по-другому. Стервы Картер больше нет. - Тут я сделала то, что должна была - прильнула к груди Гидеона, позволяя ему обнять меня. Мой взгляд невольно метнулся к Коулу стоящему в дали, и все внутри меня съежилось при виде омерзительной картины.

Коул обнимал какую-то блондинку в откровенном купальнике. Точнее, это были какие-то веревки, одетые на голое тело. Его рука властно замерла на стройной пояснице девушки, но взгляд был целиком и полностью сосредоточен на мне с Гидеоном.

Поэтому я тут же перестала даже искоса поглядывать в его сторону, продолжая осуществлять свой план.

Его ревность только усилила мой пыл, и я смело пробежалась ноготком по галстуку Гидеона.

- Да неужели? - Голос Гидеона сорвался, как только он почувствовал мой пальчик. - Может быть пойдём в мою комнату, и ты расскажешь об этом поподробнее?

- В другой раз.

- Когда? Ребекка, ты издеваешься надо мной?

- Просто общаюсь. Во Франции мне так не хватало мужчины.

Я продолжала смотреть на него, стреляя глазками. Да только чувствовала я себя объятый пламенем. И пламя это исходило от Коула. Так, будто бы он без перерыва кидал в меня огненные шары.

Ревности.

Как жаль, что ревность не имеет ничего общего с любовью. Любовь созерцает, а ревность лишь душит, причем так медленно и мучительно, что даже сгореть заживо лучше, чем отдаться этому самоистязанию.

- Тогда давай искупаемся, - предложил он, подводя меня к краю бассейна. - Расскажешь, как провела это лето.

Я присела на плитку и спустила ноги в теплый бассейн, поймав в руки надувной мяч, который в меня кинул один из Кандидатов.

Гидеон присел рядом, и я искренне рассмеялась, кинув мяч обратно. Почему-то парень не поймал его - наверное, был слишком пьян, чтобы сохранять координацию движений.

Мы с Гидеоном нырнули под воду, и я была настроена только на то, чтобы общаться с ним, как делала это со Стефаном.

Счастливая, невыносимо свободная, вопреки власти Коула - пусть он смотрит на это, считая себя победителем в нашей игре.

Я прекрасно знала, что при всех он не будет проявлять своих чувств. Но, надеюсь, я буду готова к его гневу, когда мы вновь окажемся наедине.

Глава 4.

POV Коул

Возмущение охватило в тот самый момент, когда я наблюдал за тем, как Бекка неплохо проводит время.

Что это вообще было?

Я предвкушал, ждал этого целый месяц. Я ликовал, когда завел ее в эту беседку, в надежде на то, что сначала она будет умолять меня о том, чтоб я был менее жесток... Потом она бы сдалась, сказала о том, что творится у нее в душе.

Мне почему-то хотелось, чтоб Бекка не просто принадлежала мне, как вещь, но и испытывала ко мне...

Нет, это бред. Даже в уме я не способен представить это слово и то, что оно означает.

Скажем так: испытывала бы ко мне привязанность.

А что я получил? Согласие. Согласие со всем, что буду с ней делать, и это просто сводило меня с ума.

Казалось бы - протянуть руку, вытянуть ее из бассейна и увести в спальню, где я смогу трахать ее всю ночь напролет. Наконец-то.

Хватать ее за волосы, за полные округлые бедра, цепляясь за ее кожу, царапая и кусая, доводя до иступления.

Черт. Картины возможного будущего так настойчиво засели в голове, что я не мог найти себе покоя.

Но на деле все было иначе, после слов Ребекки о том, что ее сердце принадлежит другому.

Неужели она говорит правду?

А если и говорит, то какая мне к черту разница, что там она чувствует? Пусть хоть в Гидеона влюбляется, это не помешает мне владеть ее телом.

Даже сейчас, когда я обнимаю эту девушку, приятно разминающую мне плечи, представляю Ребекку.

Каждый раз, когда ты будешь в постели с другой, ты будешь думать только обо мне.

Ее слова постоянно всплывали в моей памяти, словно это был заговор или заклинание, которое, к моему несчастью, прекрасно действовало.

- Коул, может пора уйти в более тихое место? - Вайолет (о, я даже запомнил ее имя) уже несколько минут пыталась меня соблазнить. Ее худощавое тело прижалось к моим бедрам, и, уверен, она почувствовала мою эрекцию, которая, к сожалению, была вызвана не прикосновениями девушки.

Там в беседке я еле сдерживал себя. Одержимость вновь пришла как кайф, накрывающий после употребления наркотика.

Она вернулась, и это чувство вернулось вместе с ней.

- Я не могу, мне еще предстоит много дел здесь. Это первая вечеринка года, я должен следить за кандидатами.

Почти убедительно.

- Странный ты, Стоунэм. - Вайолет провела языком по моей шее, напоминая мне собаку - настолько ее движения были неловкими и неуместными. От этого передернуло, но виду я не подал. Все же она была девушкой, и, конечно, мне было приятно любое внимание к моей персоне.

Просто мой сдвинутый мозг немного помешался на той, что этого не заслуживала.

Она заслуживала унижений, она заслуживала боли.

- Сладкая, - безжизненно заметил я, ущипнув ее за попку. При мысли о том, что Ребекка этого не видит, увлеченная беседой с Гидеоном, несказанно расстроила меня.

Гидеону лучше держаться от меня подальше ближайшие двадцать четыре часа.

Лучше сразу надеть бронежилет и закрыться в подземном стальном бункере.

Потому что я намерен подпортить его точеную морду.

Собрав всю волю в кулак, отвернулся от Бекки, заигрывающей с этим поддонком.

"Брат, за брата". - Это правило не будет распространяться на меня сегодня вечером. Черт возьми, да тут все поглядывают на Ребекку, как на праздничный торт, и ведь думают, что она свободна.

Им и в голову не приходит мысль о том, что даже дышать в ее направлении - запрещено.

Я пытался выполнять свои обязанности, смотреть на то, как ведут себя кандидаты. Первая вечеринка года всегда служила своего рода "заманухой" для новобранцев. Здесь мы показывали свои лучшие стороны для них, как для соучастников нашего сообщества - безудержное веселье, реки алкоголя, командный дух и "бла, бла, бла". На самом деле, уже сейчас они подвергались глупым испытаниям, которые были прописаны в наших правилах. Например, мой любимый конкурс, который был довольно-таки жесток: в один из раундов выбираются два кандидата. Задача заключается в том, что нужно выпить полуторалитровую бутылку пива, не отрываясь от горла. Конечно, никому этого не удавалось - чревато асфиксией, но тот кандидат, что отрывался первым, автоматически был изгнан. Без возможности вернуться в братство когда-либо еще.

Не знаю, почему парни, желающие вступить в братство, месяцами терпели унижения, чтобы попасть сюда. Было в Братстве что-то затягивающее, как и в любой группировке. Я понимал, что это секта. Но секта, принятая законом США.

И мне нравилось быть здесь главным, ведь это единственное, чем я мог управлять.

POV Ребекка

Было весьма опрометчиво возвращаться домой в таком виде, в каком я покинула вечеринку. Я не была в доме родителей больше месяца и понимала одно: если я хочу измениться, то

должна начать с самого сложного.

Возможно, поговорить с Элиной.

Наполненные отвращением глаза матери до сих пор врезаются в память. Она кидает в меня фотографии моментов, которые я и сама теперь хочу забыть.

Не то чтобы я жалею о своих поступках – нет, это не в моих правилах. Наверное, я наслаждалась такой жизнью.

За все это я уже отплатила сполна – Коул об этом позаботился. Клад собственных грехов осел на моих плечах, тянул вниз, заставляя почувствовать себя птицей без крыльев.

Да, тогда на дамбе я так и не прыгнула вниз, и он спас меня от этого поступка. Но только сейчас, я поняла, что всю свою жизнь только и делала, что падала.

Я никогда не летала.

За исключением тех коротких минут, когда мы лежали с Коулом у дамбы. Тогда он подарил мне одно – надежду. И тут же забрал ее обратно, вновь срубив мои зарождающиеся крылья.

Я пробралась через задний двор, двери там всегда были открыты. Оказавшись в родном саду и заметив наши детские с Кайлом качели, улыбнулась. Пока я шла по каменной дорожке, окинула взглядом домик на дереве, что так же строился для нас с братом.

Я вдруг вспомнила, что это была идея папы, когда я была маленькой. Тогда он еще уделял мне бесценные крупички своего внимания, и я, увидев чудо-дом в одном из мультиков, попросила у него такой же.

«Любой каприз для моей принцессы», - прозвучало из его уст, и пятилетняя я обрела свой замок, хоть и деревянный. Мы с Кайлом правили, затеявая там безумные игры – и так до тех пор, пока я не выросла. Домик стал для меня редким убежищем для чтения книг, не больше. Теперь он был огромным пылесборником, в который и прислуга-то редко заглядывала.

Весь дом спал, я шла по коридору словно тень, не желая быть обнаруженной. Приоткрытая дверь и мягкий свет, исходящий из комнаты Кайла, заставил меня остановиться посреди коридора. Возможно, брат еще не спал, и у меня есть шанс поговорить с ним, узнать о том, что же происходило дома за последний месяц.

В отличие от моей семьи, мне действительно была интересна их жизнь, только я этого не показывала, отвечая им равнодушием на равнодушие.

Я заглянула в его комнату – она сильно отличалась от всех, что были в нашем доме тем, что была достоянием двадцать первого века. Двух вещей здесь было слишком много – видео игр и предметов, которыми Кайл несказанно гордился: кубки за победы в играх и соревнованиях, футболки с матчей различных сезонов и прочите атрибуты игрока в Регби. Что ж, по крайней мере у него была мечта и дело всей его жизни.

Я кинула взгляд на спящего брата и тут же пожалела о своем поступке. Кайл спал не один. Его правая рука покоилась под белой футболкой девушки, что лежала рядом с ним. Губы его упирались в ее волосы, а рот Кендалл Уайтроуз был слегка приоткрыт.

Тысячи иголок зависти медленно пробрались мне под кожу, не давая вздохнуть. Черт, они выглядели такими безмятежными и счастливыми.

Они спали вместе, чтобы вместе проснуться. Может, они видят один и тот же сон, а накануне вечером занимались сексом, в котором каждый из них страстно шептал друг другу «люблю».

Меня корбило от тошноты и от горечи: Коул никогда не проснется со мной вместе. Он будет хватать, тискать, рвать, пользоваться до тех пор, пока ему не надоест.

Он не обнимет меня во сне, не прижмет к себе крепче, боясь потерять. Он не такой.

И я не такая.

Стремительно покинув его комнату, я прошла по коридору дальше, отметив, что дверь в спальню родителей тоже приоткрыта. Желания войти туда завершено не возникло: еще в детстве я видела то, что они спали на разных кроватях. Отец мог уйти в свой кабинет и ночевать там, часами отрабатывая искусство речи перед зеркалом. Элину же это не особо заботило, как я думала, ее больше волновали собрания сплетниц, мой вес и наше с Кайлом будущее, которое должно было быть идеальным в ее представлении.

Переодевшись уже в своей комнате, я поняла, что все мои вещи так и остались нетронутыми: лишь отсутствие пыли и чистый воздух свидетельствовали о том, что здесь регулярно убирала прислуга. Тем не менее, больше никто сюда не заглядывал, подумала, с тоской оглядывая мои подушки. Никто по мне и не скучал.

«А вот я соскучился по тебе, Ребекка».

Я дернула головой, стараясь избавиться от навязчивого тенора в моей голове.

Говорят, прежде чем стать любимой, нужно полюбить себя. И я всегда считала, что мне это прекрасно удастся.

Но я ошибалась.

Девушка, окруженная любовью, никогда бы не стала на путь саморазрушения.

И сейчас я отчаянно пыталась с него свернуть, начав что-то предпринимать в своей жизни. Пусть Элина говорит что угодно, папа бьет равнодушием, а вся семья нервно качает головой при упоминании моего имени.

Я докажу им всем. Но в первую очередь докажу себе, чего стою.

Расчесав перед зеркалом волосы, я обнимаю себя за плечи и шепчу своему отражению, в котором вижу далеко не идеальную девушку. Зато без косметики я похожа на невинного ребенка, а не на грешную представительницу человечества.

- Я... - Хочу сказать что-нибудь, обнадеживающее самой себе, но в дверях вдруг вижу движение. На пороге моей комнаты стоит мама - немного сонная, в роскошном голубом шелковом халате, с шикарной волнистой укладкой на голове, которая осталась у нее с вечера. Светлые волосы она немного обстригла, изменившись с нашей последней встречи.

- Разговариваешь сама с собой? - строго поинтересовалась она, вместо предполагаемого «Здравствуй!».

- Что тебе нужно? - тут же огрызнулась я, выпустив когти. Отвернувшись от зеркала, присела на свою кровать, накрывшись одеялом, всем своим видом показывая, что собралась спать и не имею ни малейшего желания обсуждать то, насколько я там, опять, недостаточно хороша.

- Разбудили чьи-то шаги. - Элина взмахнула руками, без приглашения проходя в мою комнату. - Как оказалось, шаги блудной дочери. Которая уехала на другой конец света и ничего об этом не сказала!

Как ни странно, ее голос был равнодушным. Даже слегка злым и взволнованным.

- И что? С каких это пор я удостоена звания «дочь»? Помнится, в последний раз, когда мы виделись, я была «неблагодарной тварью». Это, что, продвижение по карьерной лестнице?

- Одно другому не мешает, - рассудила она, приближаясь ко мне. Лишь на мгновение она расставила руки так, словно хотела обнять меня, но Элина лишь уперла их в бока, осадив: - Мне звонил некий Стефан Марсо. Очень вежливый, приятный мужчина. Сказал, что у него к тебе серьезные намерения, и поблагодарил меня за то, что я воспитала такую... - Она смерила меня высокомерным взглядом. - «Чистую, хорошую» девочку. Как я понимаю, ты наплела ему сказок.

Я лишь кивнула, не собираясь этого скрывать.

- Я так понимаю, он из Монако?

Я снова кивнула, чувствуя то, что Элине он уже нравится.

- Что ж, я удивлена, но ты оказалась не так безнадежна, как я думала. – Элина присела на мою кровать, ее взгляд был почти пропитан нежностью. – И я рада... Буду рада, если отдам тебя в руки такого состоятельного, благородного мужчины. Уже так и вижу в газетах заголовки...

- Элина!

- Я даже готова забыть те ужасные фотографии, что видела, и вновь разговаривать с тобой.

О Боже, какая честь!

- Тебе важно только это?! Что напишут в журналах?! – Я сорвалась на крик, ударив кулаком по матрасу.

- Конечно нет, дорогая. – Меня чуть не стошнило от этих лживых слов. – Тебе же он нравится, не так ли? Я хочу, чтобы ты была счастлива.

- Да. Он мне нравится. – И это правда. Стефан действительно нравится мне, как может нравиться любая другая вещь в этом мире. Он хорош собой, воспитан и умен – разумеется. Но моя душа и тело давным-давно находятся в руках демона, которого мне не избежать.

- Вот и отлично. Я рада, что мы теперь забудем о той ужасной сцене между нами. Я надеюсь, ты воспользуешься этим шансом.

С этими словами она встала с моей постели и покинула комнату, оставляя во мне неприятный осадок.

Нет, с ней невозможно поговорить, невозможно разобраться. Элине я нужна только такой – дочерью, что не порочит имя нашей семьи; дочерью, которой она, якобы, могла бы гордиться.

Поутру события вчерашнего дня стали мне казаться сном. Такое бывает, когда я чувствую, что что-то меняется.

Коул не сделал ничего, когда видел меня с Гидеоном. Возможно, его ревнивый взгляд был всего-то обманом зрения и полетом моей фантазии.

Ночной разговор с мамой и вовсе казался какой-то нелепицей. Я не могла поверить даже в то, что она назвала меня «дорогая». Неслыханная ласка с ее стороны.

Отчетливо помню, что перед сном меня осенила идея, кажущаяся на первый взгляд безумной. Я весь месяц наблюдала за тем, как Мерседес разрабатывала свою коллекцию одежды, и я хотела попробовать заняться этим сегодня же - создать что-то свое или дополнить ее коллекцию, разослать по всем журналам, модным домам и... Неужели никто не захочет одеваться в стиле Ребекки Картер?

Сколько себя помню, меня вечно копировали, а мама, которая таскала меня по модельным агентствам, не замечала главного - мне нравится другая сторона процесса.

Я не хочу быть вешалкой, на которую все смотрят. Я хочу быть создателем. Только вот вся одежда, что я придумывала до сих пор, была довольно-таки однообразной. В моей голове мелькали тысячи вечерних платьев на все случаи жизни, но все они были какими-то мрачными и стервозными - под стать моему характеру.

Я должна была смешивать стили, экспериментировать, пробовать, находить себя.

От всех этих мыслей уже голова шла кругом - еще никогда я не думала о своем будущем так серьезно, еще никогда не была настолько вдохновленной.

Родители не станут вкладываться в подобное увлечение, а вот Стефан... Нет, я не вправе просить у него такие деньги.

Коул? Да Коул рассмеется мне в лицо и скажет что-нибудь в духе:

«Мне нравится, когда ты обнажена. Я не хочу вкладываться в то, что мне не выгодно».

К тому же, мне не хотелось давать ему очередной повод манипулировать мной.

Конечно, у меня были сотни тысяч долларов, спокойно лежащие в личном трастовом фонде, но из него я могла брать только определенную сумму денег в день. Этого явно не хватило бы даже на создание одного бредового платья, которое я собиралась придумать.

В общем, моя внезапно образовавшаяся мечта вновь показалась далекой, неосуществимой. И все же начать делать хоть что-то я была просто обязана.

Когда я спускалась вниз, намереваясь покинуть дом и отправится обратно в кампус к Зевсу, увидела мужчину в синем пиджаке. Почувствовала вдруг дикое желание добиться от отца хоть какого-то внимания и услышала:

- Здравствуй. Как у тебя дела? - Доброжелательный голос отца застал меня врасплох. Насторожило лишь то, что он стоял ко мне спиной. И все же надежда на то, что я смогу пообщаться с ним, разрасталась с каждой секундой, и я ответила:

- Доброе утро. Я недавно вернулась из Франции и...

- Подготовь мне бумаги к вечеру. Сегодня в моем шоу... Кто? Ага, Джаред... - ни с того ни с сего ответил он, поворачиваясь на мой голос.

Отец разговаривал по телефону - я не сразу заметила черную насадку на его ухе. По мне он прошелся беглым взглядом и тут же отвернулся, даже бровью не повел.

Конечно, он всегда так реагировал на меня, но обычно отвечал, когда я пыталась с ним заговорить. Должно быть, уже наслышан о моих приключениях во время разгульного периода жизни.

А может ему просто все равно. Он живет своим шоу, хотя с Кайлом у него отношения куда теплее.

Прикусив губу от разочарования, я побежала к выходу - каждый раз, когда я прихожу в этот дом, все заканчивается хуже некуда.

Я все детство называла Коула изгоем, даже не понимая того, что все это время изгоем своей семьи была я.

Зевс вел себя как-то странно. Как только я вернулась домой, он неистово заскулил и накинулся на меня, встав на задние лапы. Когтей он не выпускал, видимо просто требовал внимания.

- Соскучился? Знаю, знаю, я - плохая хозяйка, и надо бы с тобой погулять, - виновато заметила я, почесав пса за ушком. Он дружелюбно тявкнул, но почему-то не оставлял меня в покое даже после того, как я насыпала ему полную миску свежей еды. - Зевс, я немного поработаю, и мы обязательно погуляем, - вновь объяснила псу, который терпеливо ждал, пока я выйду из ванной. Он заскулил, потираясь плотной шерсткой о мою ногу - ума не приложу, что с ним случилось. - Скоро начнется учеба, и мне очень бы хотелось попробовать кое-что прямо сейчас. Потерпи немного, сладкий.

Следующие часы я провела на кровати, обложив себя модными журналами, вооружившись альбомными листами и карандашом. Я не очень-то хорошо рисовала - не была прирожденным художником, и уж тем более мне казалось скучным часами вырисовывать пейзажи и портреты. Главным для меня была одежда, которая получалась у меня довольно-таки неплохо. Но больше

всего сил уходило на то, чтобы создать в своей голове неповторимое платье или комплект, который бы захотели носить все женщины в возрасте от двадцати до сорока лет.

Я так увлеклась работой, что почти перестала замечать не спокойствие Зевса. Он то и дело лаял или играл со своими игрушками под кроватью, настойчиво намекая мне на то, что я должна к нему присоединиться.

К тому времени, когда я нарисовала несколько эскизов и осталась довольна работой, наконец сдалась:

- Хорошо, бери свой любимый шарик, и пойдём гулять. Пойдем, - ласково объявила я, доставая ошейник. Зевс опустил взгляд и тихонько взвыл, что могло означать лишь одно.

- Ну куда там запропастился твой мячик? - Раздражаясь, я опустилась на колени и заглянула под кровать, где обнаружила целый кладёз игрушек Зевса. Черт, моя любимая помада от Chanel тоже здесь. И кофточка, которую я давно потеряла... К сожалению, сейчас её уже вряд ли можно было назвать предметом одежды: шелковая рубашка была вся в слюнях и следах от зубов моего прелестного пса.

Перед глазами мелькнуло ещё что-то странное - то, что выделялось на фоне моей потерянной косметики и игрушек Зевса. Синий конверт выглядел очередным вестником беды. Неудивительно, что Зевс его спрятал.

- Вот, держи, мяч. - Он зажал игрушку между зубов, но вновь заскулил, когда я взяла в руки синий конверт. - Также не хочешь, чтобы я открывала эту пакость?

От Коула.

Только он может писать мне письма.

Только он занимается подобным - мне вот очень интересно, он вообще знает о существовании электронной почты? Такое чувство, что он специально делает это, не оставляя мне шанса кинуть все в спам и не читать письмо.

Конечно, его можно сжечь и разорвать, но мое любопытство возрастает во сто крат, когда я держу бумажки, которых касались его руки.

Оттягивая момент встречи с неизбежным злом, чересчур сильно метнула конверт в стену.

- Займусь этим позже. - Зевс одобрительно кивнул, влезая в ошейник. Я одернула лицо, когда он потянулся, чтобы облизать меня, и просто погладила его по голове, успокаивая. - Все, идем, идем. Я только что помылась, целоваться будем потом.

После прогулки все же пришлось вернуться к злосчастному письму. Казалось бы, что такого? Не читать письмо, поставить на Коуле крест. Но оно прямо-таки само ползло мне в руки, как я не старалась убрать его подальше.

Осуждая себя за слабость и любопытство, дрожащими руками открыла очередную весточку от самого дьявола:

«Я соскучился, ты помнишь? Жду тебя сегодня вечером. Знаешь, Бекка, вся эта инициация новеньких в братстве так утомила меня... Мне нужно расслабиться, мне нужны твои дерзкие пальчики. К тому же, у меня для тебя есть новый урок. И я советую тебе прийти на него, иначе последствия будут гораздо хуже. Не забывай, мне ничего не стоит просветить твоего принца или как там его... В подробности твоего прошлого. Уверен, ты пригласишь меня на вашу свадьбу, ну, а пока, будь добра явиться в мою постель».

Легким, в который раз, стало тесно – я с трудом привела мысли в порядок после того, как осознала эти строки. Шантаж, угрозы, сексуальное рабство – моя жизнь похожа на глупое телешоу с высокими рейтингами.

Черт, он все-таки знает о существовании электронной почты. И ему действительно не составит никакого труда отправить Стефану все фотографии, что он отправлял Николасу. А может и еще похуже. Кто знает, что у него еще на меня есть.

То, что я стараюсь, изо всех сил стараюсь измениться, не зачеркнет ошибок прошлого.

Во время пробежки я как раз говорила со Стефом по телефону. Более заботливого и обходительного мужчину не найти. Даже находясь на расстоянии за тысячи миль от меня, он умудрился задать мне больше беспокоящих вопросов, чем я слышу от родителей, Коула и брата за весь год.

Но он был таким приторно сладким, аж передергивало.

- Очередной вызов на ковер, Зевс. – Я погладила погрустневшего пса, опустившего голову мне на колени. – И похоже, у меня нет выбора, правда?

Зевс смело твякнул, видимо хотел поддержать... Да вот только успокоить меня может лишь крепкий алкоголь или доза, которой мне не хватало последний месяц.

И все же я была в завязке. Но, видимо, с Коулом завязать куда сложнее, чем с наркотой.

Глава 5.

Особняк братства стал для меня уже третьим домом, и все же каждый раз, когда я подходила к этому готическому зданию, меня оведало чувство страха и волнения.

«Будь добра явиться в мою постель».

Я должна следовать своей тактике и узнать все слабые места Коула. Я буду играть по его правилам или же создам для него подобную видимость.

На этот раз ни одна комната в братстве не была освещена светом. Особняк походил на прекрасную декорацию к фильму ужасов, не хватало лишь черных птиц, кружащих над крышей.

Что-то странное творилось там сегодня – я почувствовала это, когда приоткрытая дверь и холл встретили меня абсолютной тишиной.

Обычно братья слонялись по коридорам, заседали в бильярдной или на кухне: играли в покер, курили сигареты, находились даже уникамы, которые читали книги.

Но сегодня здесь будто не было ни души, и я, честно говоря, не знала, куда мне податься.

Может, я что-то напутала? Может, это очередная ловушка Коула? Я задумалась о том, не поздно ли еще повернуть назад, как услышала какой-то странный глухой шлепок, а затем громкий мужской гогот. Иначе это и назвать нельзя.

Я пошла на звук, то и дело пугаясь собственного отражения в коридорных зеркалах. Лишь редкие свечи освещали мой путь, и когда я достигла шумной комнаты, поняла, что так далеко еще никогда не заходила.

На двери было написано лишь одно: «Ритуальная комната «Дельта Зетт»».

От одного слово «Ритуал» уже становилось не по себе. Ритуал чего?

Набравшись смелости, я приоткрыла дверь, подглядывая за происходящим. Теперь я могла прекрасно слышать разговоры братьев, во главе которых стоял Коул.

- Ну, тварь, - жестко произнес он, размахивая бейсбольной битой. - У тебя был целый день. А ты не помнишь наших слоганов? Или тебе напомнить?

Коул кинул биту Александру, и тот замахнулся на беднягу, что стоял на коленях перед

братьями, собравшимися в небольшом круге.

- Н-не надо! Прошу! Я-я помню! Я-я все помню! – заикаясь взмолился он, закрывая лицом свои руки. От этого зрелища даже у меня сжалось сердце.

- Ну, и? Даю тебе еще один шанс. – Опять этот властный голос Коула. Да только... Даже я от него такого не слышала. Его голос был настолько блаженным и животрепещущим, как будто говорил и вовсе не он.

- «Братьев бывших не бывает!» – Кандидат начал уверенно, и, если честно, я хотела, чтобы он помнил этот девиз. – «Мы – цвет нации, за нами будущее! Брат за брата должен...»

Тут он замешкался. Я вздрогнула от неприязни: что черт возьми они делают? Что за глупые слоганы?

Братство, мафия, секта.

На языке вертелось лишь другие слова: мерзость, глупость и бред.

Поэтому я не вступала в подобные группировки. Возможно, в них было что-то хорошее: командный дух, круглосуточная поддержка и дружба, в конце концов. Но я была прекрасна наслышана о жестоких испытаниях для кандидатов, поэтому знала точно, что к физическим травмам не готова... Как и этот бедняга, которого только что...

- Забыл! – Александр с размаху ударил его битой, но кандидат не издал ни звука. Коул удовлетворенно ухмыльнулся.

- Ты должен уяснить, неудачник. Что здесь соплякам не место. Как я вижу, ты не так безнадежен, как кажешься, поэтому буду приглядывать за тобой. Если завтра кто-то из вас забудет хоть одно правило и не выучит наш устав, вы все... – Он окинул всех безжизненным, мертвым взглядом, а глаза его были черными, как смоль. От такого зрелища я отпрянула от двери, пытаюсь успокоить бешено kloкочущее в груди сердце.

Коул... Он... Это не Коул. Коул не может быть настолько жестоким.

- А иначе всех вас отправим в Ледник.

- А что это, с вашего позволения, Скорпион? – По-видимому, кандидат обращался к Коулу.

- Это Вонючка – морозилка такая. Где вы прекрасно проведете время.

Я больше не могла это слушать. Но и убежать домой не могла.

Коул сказал ждать его в спальне. На подкашивающихся ногах, я направилась туда, пребывая в каком-то астрале.

Кто знает, на что еще способен Коул? Внезапно я представила исход моего непослушания: Коул запирает меня в морозилке или, того хуже, жестоко избивает. Понастоящему бьет вне сексуальных игр.

Может... Все это непонстоящему? Может, это просто постановочный ритуал?

Но удары битой были вполне реальными.

Ноги сами привели меня в комнату Коула - она была открытой. Зайдя внутрь, я обнаружила, что она совсем не изменилась с моего отъезда. Она выглядела такой, какой я ее и оставила. Темной.

Я присела на край кровати, отчаянно заламывая руки.

Убежать, убежать, убежать. Я должна снова уехать во Францию.

Но правда заключалась в том, что Коул мне нравился - не всегда, но в определенные моменты. И ради этих моментов какая-то часть меня готова была терпеть все, что угодно.

И все-таки, Коула, которого видела сейчас, я не знала. Одно дело быть самовлюбленным наглым нарциссом, другое дело - совершать жестокие поступки. На эти мысли Коул ответил бы мне, что я не лучше... И я, опять же, не смогла бы с ним не согласиться.

Я просто не имела право. После того, что совершила.

Мы с тобой одной крови.

Только я встала, чтобы сбежать, как дверь передо мной распахнулась, и вошел он - мучитель.

Его белая рубашка была расстегнута, на шее висел все тот же галстук с гербами братства - в руках он держал подсвечник на ножке, вмещающий в себе три свечи.

Наши взгляды встретились - от сапфировой черноты не осталось и следа. Зрачки вновь стали маленькими, а не наполняли всю радужку глаза. Серые глаза Коула горели скорее радостью, чем злобой. Хотя, теперь я уже не была ни в чем уверена.

- Ты пришла. – Коул выдохнул, взмахнув подсвечником, как Джедай своим жезлом.

- Ты пожар затеял?

- Нет, - лениво отозвался он, приближаясь ко мне. - Кое-что поинтереснее. Я совсем устал от этих дел в братстве...

Устал? Устал избивать людей?

- Поэтому, я думаю, ты не откажешь мне в чем-нибудь приятном.

Кожа Коула была голубоватой в лунном свете. Мышцы, казалось, еще сильнее окрепли с нашей последней встречи. Мускулистая, покрытая татуировками грудь, плоский живот, с железным прессом... Сказать, что на секунду я потеряла самообладание, значит ничего не сказать.

Первобытное чувство просыпалось во мне стремительно - с каждым его шагом. Когда он оказался рядом, из искры, что зародилась ранее, разгорелось пламя.

Огонь, который покидал меня на долгий месяц разлуки.

- Я знаю, на что ты намекаешь. - Коул обожал, когда я ласкала его ниже пояса. Я опустила веки и наверняка покраснела, отвыкнувшая от таких разговоров.

- И на что же?

- Я хочу, чтобы ты это сказал. Ты же обещал преподать мне урок. Я жду.

Я играла в покладистую, послушную Ребекку. Бекку, которая узнает о нем все.

- Это будет немного позже. - Его рука коснулась моих волос, накрывая ухо, и тут же отстранилась. Коул обошел меня по правую сторону, так и оставив в неведении, что же это было. Он поставил подсвечник на прикроватную тумбочку и снял с себя рубашку, откинув ее в сторону.

Его оценивающий взгляд пробежался по моей короткой черной мини-юбке и шелковому розовому топу из прозрачной ткани.

- Милая девочка в розовом? - ухмыльнулся он, улегшись на кровати. - Ты сделаешь мне массаж. Это поможет мне снять напряжение и стресс. В общем, я надеюсь, ты прекрасно справишься с ролью, которую в твое отсутствие выполняли другие.

Коул только что ударил меня, даже пальцем не коснувшись. Сначала я хотела ответить что-то колкое, в своем стиле, но потом решила проглотить, смыть нарастающую обиду.

Не произнеся ни слова, я забралась на кровать, оседлав Коула сверху. Его спина, рельефные мускулы и татуировки предстали для меня в новом свете – еще никогда я так долго не оглядывала его спину.

Я сделаю ему массаж так, что он и не вспомнит, что были и другие девушки.

- Почему ты молчишь? – спокойно поинтересовался он, когда мои руки коснулись его поясницы и начали разминать теплую кожу под моими пальцами.

Честно говоря, это было какое-то безумное удовольствие. Под собой я чувствовала его накаченные ягодицы и еле сдерживала жар внизу своего живота от чувства контакта с ним.

- Сыта по горло, - сорвалось у меня, и я с силой ущипнула его в районе лопаток, продолжая поглаживать, разминать его спину, то поднимаясь к шее, то опускаясь к пояснице.

- Львица злится? Чем я ее обидел?

Надо же, какой он милый. Как будто пятнадцать минут назад не представлял из себя Сатану в человеческом облике.

- Все в порядке, - промурлыкала я, большими пальцами поглаживая затылок Коула. Здесь была набита непонятная мне надпись – языка я не знала. А спрашивать у Коула не хотела, дабы не проявлять слишком сильного интереса.

- Ты и в этом хороша. – Коул таял под моими руками – я ощущала это. Массаж был куда интимнее, чем все, что мы делали вместе до этого. Это было каким-то личным, сокровенным.

Одновременно это возбуждало и одновременно не имело сексуального подтекста. Ну, если только чуть-чуть. - Ты бы знала, что со мной сейчас творится... - Коул будто задержал дыхание подо мной, а потом резко выдохнул, поворачивая голову немного ко мне. - Не хватает твоих губ, моя девочка.

Мои пальцы застыли на впадинке между его лопаток. Это его «моя девочка» каждый раз вводило меня в ступор.

Я немного помолчала и, осмелев, произнесла:

- Я и не думала, что ты можешь быть со мной таким... Ласковым.

Коул резко перевернулся, и вес моего тела не помешал ему в этом. Он заглянул мне в глаза, и тут я поняла сразу, что чем-то разозлила его.

- Я мог бы быть с тобой таким. – Коул менялся на глазах, и вот его руки уже сжали мою талию. Поскольку теперь я сидела на его бедрах, отчетливо чувствовала его эрекцию. – Если бы ты не лобзалась со всеми подряд.

Коул вдруг сел, опрокидывая меня на постель, оказываясь сверху.

Кончики пальцев заледенели от нехорошего предчувствия, которое свернулось в груди, образуя тугой узел.

- Что ты имеешь в виду? Ты же сам сказал, что я свободна в...

Тут его ладонь взметнулась в воздух и с оглушающим шлепком приземлилась на мои бедра. Я всхлипнула от неожиданности. Тонкие иглы жгучей боли, следовавшие за ударом, окончательно выбили из колеи.

- Какого черта, Коул? – Но он не ответил. Неделikatным движением он расстегнул молнию моей юбки, освобождая меня от элемента одежды. Слово помешанный, Коул беззастенчиво и быстро снял с меня топ, воспользовавшись тем, что после удара я обмякла, как тряпичная кукла.

Как игрушка.

Я осталась в телесных чулках и нежно-розовом белье, цвет которого был совершенно мне несвойственен.

- Это. Я. Должен. Спросить. КАКОГО ХРЕНА? – гаркнул Коул, заламывая мне руки, которые непроизвольно взметнулись к нему, чтобы остановить этот процесс изымательства. – Ты плохо усвоила урок, в котором я четко изъяснился: мое должно принадлежать только мне. И я не потерплю видеть то, как до моей вещи дотрагиваются так, будто она вовсе... НЕ МО-Я!

Человек, что был передо мной, превращался в зверя. Морщинка меж бровей, волчий оскал, обнажающий зубы, и даже сразу бросившийся в глаза шрам навевали панику и желание растворится прямо под ним.

Исчезнуть в самом буквальном смысле этого слова.

Мимолетная ласка Коула улетучилась, обнажая неприкрытую жестокость. В каждом взмахе ресниц, в каждом развязном движении.

- Ты... Не посмеешь взять меня таким образом! Нет, Коул. - Он расставил свои колени по обе стороны от моей талии, прикрывая все пути к отступлению. Коул возвышался надо мной, был поднебесной скалой с острыми каменистыми краями. Утесом, о который мне предстояло разбиться.

Он дико расхохотался, дернув на себя мои и без того дрожащие руки. Он вдохнул полной грудью так, будто только что пригубил мой страх и насытился им сполна.

- Думаешь, я буду трахать тебя после того, как тебя лапал этот ублюдок в бассейне?

Я не понимала, о чем Коул говорит. Да, Гидеон дотрагивался до меня, и, откровенно говоря, я с ним заигрывала - и все, наше общение было лишь легким флиртом, не больше.

Но Коулу, похоже, было плевать на такие тонкости, как и на то, что он причиняет мне боль.

В секунду сорвав с себя галстук, обвил им мои запястья до снедающих мурашек.

- Коул, остановись! - Я не могла поверить в то, что еще несколько минут назад он был совершенно другим человеком. И конечно я не могла представить, что это всего лишь цветочки - впереди меня ждало настоящее пекло.

- Коул, остановись, - скривившись, передразнил он, тем самым еще больше изуродовав свое красивое лицо. - Заткнись, сука. Заткнись и наслаждайся.

- Ах. - Я жадно втянула ртом воздух, почувствовав его грубоватые ладони на своей груди. Нахально сдвинув розовые кружева, он оголил ее, взглянув на меня с одобрительной усмешкой. Сверху вниз. Так, будто я была грязью, пылью, песчинкой.

Моя сила была ничем, по сравнению с его могуществом, которым, казалось бы, его наградил сам дьявол.

- Ты опять сделала это, - прошипел он, сжимая зубы до скрипа. - Завелась от грубости.

Его шероховатые пальцы скользнули по ореолам сосков, отчего я мгновенно прогнулась в пояснице, подаваясь ему на встречу.

Необдуманно, произвольно - так, будто в моем теле жила какая-то дикая сущность, запрограммированная на любые «ласки» Коула.

- Подонок. - Я почти потеряла голос от страха, потому что от Коула можно было ожидать чего угодно. Когда его рука взметнулась вверх, я ожидала то, что она сомкнется на моей шее, или он ударит меня по груди или бедрам, как это делал обычно.

Потом он пригладит мою покрасневшую кожу и через пару минут успокоится окончательно. Но ладонь Коула взялась за подсвечник, что стоял на тумбочке, и тут я с ужасом подняла одно: он все продумал.

Эти гребенные свечи не могли оказаться здесь случайно.

- Нет... Нет, нет! Ты этого не сделаешь! Коул! Если ты сделаешь, можешь забыть обо мне навсегда! СЛЫШИШЬ? - Я истошно завопила, пытаюсь вырваться, но была бессильна. Мои руки были связаны, я находилась во власти его тела, в его доме, в комнате Коула. Не было ни единого шанса на то, чтобы избежать его, так называемого, урока.

- Тсс. - Он потушил свечи своим дыханием, параллельно посмотрев на меня. Его взгляд был серебристым огнем - недобрым, холодным, как у бессмертного. - Тебе даже понравится. Ты же любишь игры, Ребекка...

В разрез со словами его ладони нежно сминали мою грудь, пробуждая внизу моего живота тупое, ноющее чувство, умоляющее об освобождении.

- Ты бы знала, какое удовольствие я получаю, наблюдая за твоей беззащитностью. Да, я кажусь тебе жестоким, но не говори, что ты не знала об этом.

И тут он наклонил подсвечник. Немой крик пронзил мое горло, губы распахнулись на радость Коулу. Я почувствовала истребляющую каплю воска, упавшую мне на ребра.

- Будь ты... - Договорить я не успела, потому что другая капля, более крупная, упала следом, воспламеняя мои ключицы.

Коварные слезы застряли в уголках глаз, я посмотрела на Коула через призму боли и смога.

Как я могла считать, что у него есть ко мне чувства? Гребанный животный трах, насилие и доминирование - все, что ему было нужно.

Как я могла разглядеть в его поцелуях и словах ласку? Либо это был не тот Коул, либо он действительно являлся монстром.

- Лучше молчи и уясни навсегда, Бекка. Так... На будущее... - На мгновение он наклонился, сделав то, после чего я окончательно перестала его понимать. - Ты не посмеешь принадлежать кому-то другому. Я не намерен делиться ни единым кусочком твоего тела.

Он наклонился, охваченный необузданным желанием, втянул мой сосок губами, сжимая мои полушария вместе - он мял мою грудь как одержимый, тискал, оставляя влажные следы на моем теле. Вновь возвысившись надо мной, Коул посмотрел на меня с гордыней, будто

покраснения от его укусов и розовые пятна от воска, который он оставил, были произведением искусства, а не унижительными метками.

- Ненавижу! Всем сердцем ненавижу! – Не знаю, в который раз я делала это признание, но Коула это не отрезвило. Когда воск упал на кожу возле пупка, я вновь почувствовала жжение, но уже не такое болезненное, как раньше. Он остыл, а я привыкла к пламени.

- Я это уже слышал.

Коул приложил ладонь к моему животу, размазывая застывший воск пальцами.

- Такая нежная... Такая чертовски нежная кожа... - сладко прошептал он, выбиваясь из образа чудовища. - Ребекка, что ты со мной делаешь?

- Это ты что делаешь? Ты... То ласкаешь, то убиваешь... - Его рука теперь спустилась меж моих бедер, для того чтобы убедиться в том, что я...

- Как трудно сдерживать себя, когда я чувствую, как ты готова. Готова, даже когда я только что не разнес тебя на части. – Его палец настойчиво скользил по моему белью, не позволяя себе большего.

- Ты долбанутый псих!

Он вновь ударил меня по попке, цепляясь за мои бедра. Уже не так больно физически – скорее унижительно, что еще хуже в моем случае.

Я чувствовала себя какой-то рабыней без права на ропот. Шлюхой, которая была нужна хозяину только тогда, когда он в этом нуждался.

Запутанной, потерянной девочкой, загнанной в угол.

В общем, слабачкой, будто от бывлой Ребекки Картер не осталось и следа. Ребекки, которая когда-то собиралась вонзить нож ему меж ребер, угодив в сердце.

- Да что ты обо мне знаешь?!

Я заметила, что Коул каждый раз слишком остро реагировал на слово «псих». Будто оно задевало его за самые глубокие раны души, если таковая у него имелась.

- Ничего... Знаешь, ничего... - тяжело дыша покорилась я, стремительно замотав головой, пытаюсь освободить руки. – И теперь я даже не хочу ничего о тебе знать!

Его лицо прояснилось – гримаса гнева сползла с его лица, оставляя на лице лишь пустое выражение. Глаза бледны, лоб покрылся испариной, а темно-каштановые волосы прилипли к вискам, будто он только что вышел из душа.

Я смотрела на сжатую линию его челюсти, вновь разглядев в нем красоту. Гребанную красоту, существование которой было для меня отвратительным. Я хотела видеть Коула неказистым, изгоем, уродом, каким всегда его считала.

Но все менялось с незамедлительной скоростью, я окончательно запуталась в своих чувствах, не понимая, почему по моим венам разливается прощение, которому здесь не место.

Коул потянул за нить галстука, освободив мои руки, и я тут же впилась ногтями в его твердую негибкую грудь. Пытаясь забыть об этом восхитительном чувстве прикосновения, врезалась ему в кожу, вызывая в нем тихий утробный рык.

- Отпусти меня! Ты перешел все границы, Коул. Ты не считаешь свою силу.

- Скажи, что ты усвоила этот урок.

- Да... - Трехэтажный мат так и вертелся на языке, но вместо этого я покорно ответила, чтобы поскорее покинуть это злосчастное место. - Я усвоила твой дебильный урок!

- Ответ неверный. - Он вздернул мой подбородок большим пальцем - так, будто я была непослушной школьницей. - Сука, или ты произносишь то, что я от тебя жду, или я познакомлю тебя с воском поближе...

- Я – твоя игрушка. Я принадлежу только тебе, Коул Стоунэм, – захлебываясь, с остервенением произнесла, чувствуя, как его хватка ослабевает. Коул отпускает меня, расплываясь в этой ехидной улыбке, которая может означать: «То-то же. Ты в очередной раз мне уступила».

Коул отпустил меня, и я тут же подпрыгнула с кровати, как ошпаренная, судорожно хватая свою юбку и топ, которые, на этот раз, остались в целости и сохранности.

- Это была последняя капля. - И это действительно было так. Весь мой план по сближению с Коулом был разрушен, потому что я больше не собиралась терпеть такие унижения и стелиться перед этой питающейся моей кровью тварью.

- Ну, конечно, сколько раз я это слышал? Ты не хочешь пребывать в моем мире дерьма и грязи... И все такое. Как будто ты сама живешь не в таком.

- Жила, Коул. - Я одевалась, намереваясь сбежать отсюда как можно быстрее. - Но теперь я оставлю тебя там одного. И ты свихнешься от своего одиночества, сгниешь, ведь ты никому не

нужен! Ты нахрен никому не нужен! Что, злишься? Злишься, что я нужна Стефану, а тебя окружают лишь шлюхи и долбанутые, как ты, братья? Да вы же занимаетесь полной чепухой! Вы все здесь чертовы психи!

Я орала так, что рвало глотку, и ничего вокруг не замечала, орошая его своим гневом и ненавистью. Черт возьми, если бы я умела душить силой мысли, то давно бы это сделала.

- Ты никчемный неудачник, каким был всегда! Изгоем, отбросом! Ты выживаешь лишь за счет слабых!

- КАК И ТЫ, СУКА! – Коул не собирался молчать, он привстал на корточки и ударил кулаком себя в грудь. Его белки стали красными – сосуды полопались от гнева, разрывающего его. – ПОСМОТРИ НА СЕБЯ! ПО-СМО-ТРИ!

- Ты ничего не знаешь обо мне! О том, что происходит внутри на самом деле! – Черт возьми, я начала рыдать, еще больше превращаясь в размазню. Но Коул, на удивление, не радовался моим слезам, скорее был удивлен и разъярен одновременно.

- А ТЫ ТЕМ БОЛЕЕ! – Его крик заполнял все вокруг, не удивлюсь, если нас слышало все братство. – Хочешь разжалобить меня своими слезками? Бедная, затюканная, девочка. Девочка для битья.

- Ты, наверное, с кем-то меня путаешь! – У меня больше не оставалось слов на ссору, и не хотела, чтоб он видел, как я плачу из-за всего, что он сотворил.

Ребекка Картер никогда не плачет.

Только я хотела убежать, но Коул оказался быстрее. Остановив меня у двери, парень дернул меня за плечо, врезаясь пальцами до синяков.

- Куда ты собралась, куда? – Он сфокусировал взгляд на мне, желваки под его скулами остервенело сжались. – Место, сука!

Я подалась вперед, еле сдерживая себя от плевка в его красивое озлобленное лицо. Мне хотелось извалить его в грязи, сравнять с плитусом, эмоции поработили мой разум, и вся моя распланированная тактика уже потеряла всякое значение.

- Место, я сказал!

- Да пошел ты, ублюдок. Забудь обо мне, Коул Стоунэм, я серьезно. Можешь катиться к своим братьям, к дешевым шлюхам...

- Таким же, как ты, - успел вставить он, прежде чем я закончила.

- И сгореть в одиночестве. Никто и никогда не полюбит такого ирода, как ты. Никто и никогда!

Наплевав, что почти произнесла слово «любовь» в его присутствии, собрала всю свою силу в кулак и вырвалась из жесткой хватки. А дальше я побежала вперед, пересекая темный коридор, мечтая лишь о том, чтобы никого не встретить на своем пути.

Глава 6.

POV Ребекка

Оказавшись в таком же темном холле, направляясь к выходу, я вдруг столкнулась с чем-то мягким, шерстяным. Ладони уперлись в ткань свитера. Который принадлежал Гидеону, и меня отрекошетило на два шага назад. Я вздрогнула, не веря в то, что и здесь удача подвела меня.

Я все-таки встретила кого-то на своем пути.

Я подняла заплаканные глаза на Гидеона и одернула свой взгляд, еле осознав то, чему стала свидетелем.

Бледная кожу Гидеона украшал огромный фиолетовый фингал под глазом, кровоподтеки на губах и подбородке. От бывшего лоска и красоты осталась лишь прилизанная прическа и красивая дорогая одежда от Boss.

Я уставилась в лейбл фирмы, высеченный у него на свитере.

- Прости, - сипло прошептал Гидеон, тоже заметив мое состояние. Я скрывала взгляд, надеясь на негласную договоренность между нами. Что-то вроде «Ты не видел меня. А я не видела тебя».

- Ничего.

Напоследок я вскользь присмотрелась к нему: Коул обошелся с ним не менее жестоко, чем со мной.

Уму непостижимо.

За что? Он псих, он псих... Я не могла поверить в то, что вообще позволила ему быть чем-то

важным в своей жизни.

Какой же я была дурой. Я дура и сейчас. Растекаюсь под его взглядом, представляю, как его руки опоясывают безвольное тело.

Но с этих пор этому не бывать. Коул не прекратит свой шантаж. Ни-ко-гда. Он раздавит меня, превратит в щепку – и пусть, зато он лишится меня.

Навсегда.

Я выбегаю из особняка, игнорируя кинутый вдогонку голос Гидеона. Радуюсь, что приехала сюда на машине, скрываюсь в Infinity, чувствуя себя в безопасности.

С чего я вообще взяла, что он расстроится, лишившись моего общения?

Сделав глубокий вдох, включила радио, словив одну из любимых песен Zedd – Beautiful Now, в надежде, что хотя бы музыка поможет мне прийти в себя. Бросила взгляд в зеркало заднего вида, заметив ожоги на своих ключицах.

Ублюдок. Коул перешел все границы. Подвел к краю, затоптал мою гордость.

В который раз.

Выезжая с территории братства, выбралась на ближайшую трассу, напрягая зрение. На улице было темно, от городской жары в пространстве повис смог, мешающий сосредоточиться на дороге.

Я просто ехала, стараясь моргать так часто, насколько это возможно – лишь бы больше не пролить ни слезинки по этому уроду.

Но все было тщетно.

Невидимые демоны сдавили грудь и приставили к ней кинжал, беспощадно и мелко тыкая меня в сердце. Я просто хотела вдохнуть. Сделать глоток свежего воздуха, но, вернувшись обратно домой из Франции, отравила себя не щадящим ядом.

Ядом, забившим поры, под названием «Коул».

Что он творил, что совершал, не подавалось никакому логическому объяснению. Смущало только одно, и я всеми силами пыталась прогнать прочь эту крохотную надежду:

Коул испытывает ко мне поистине глубокие чувства. Мысль о том, что я могу быть с другим, невыносима ему.

Меня передернуло от собственной мысли. Я не должна его оправдывать. Только не теперь, когда он так поступил со мной.

Хотя, я тоже хороша – растеклась перед ним, как патока.

Молодец, Картер. Ничего не скажешь.

Вдобавок, стало мерзко от собственной мягкости.

Я и сама не заметила, как стрелка, указывающая на наполненность бензобака, почти достигла нуля, и немного отвлеклась от мыслей о Коуле. Заправка была мне необходима – неизвестно, как еще доберусь до дома без налички, тем более в столь поздний час.

Я свернула на ближайшую «American Gold» и припарковалась у свободного бака. Слово на автомате совершила привычные действия, необходимые для заправки.

Никогда не умела толком обращаться с этим идиотским пистолетом. Со стороны я была похожа на недалекую девушку, кружащую вокруг Infinity с трубкой.

Перед внутренним взором вдруг возникло лицо Коула, который мог бы застать меня в этот момент – ехидная улыбка, насмешливый взгляд. Он бы помог мне, смеясь над моей глупостью. Возможно, сел бы в машину рядом, и мы могли бы куда-нибудь поехать после.

Я встряхнула головой, крикнув Коулу из моих грез: «Прочь!».

Еще этого мне не хватало. Боюсь представить, какие игры затеял бы Коул в машине.

- Тебе помочь? – Меня окликнул до боли знакомый приятный голос. Нежный, высокий. И почему-то грустный.

- У меня все под контролем! – огрызнулась, поворачиваясь к собеседнице. С минуту мы с девушкой пристально друг друга разглядывали.

Ну, конечно. Наша святая Тереза, будь она неладна.

Янтарные глаза, так и искрящиеся теплом, смотрели на меня сквозь слезы, в то время как я тоже выглядела не лучше – наверняка весь этот стресс наградила меня синяками под глазами, а прошедшая истерика черными реками на щеках.

- Это ты. - Эмили Бломен - а это была именно она (отсылка к первой книги серии - «Позволь мне тебя коснуться»), - поспешно коснулась уголка своих глаз, скрывая заплаканные глаза. - Не знала, что ты покрасилась, поэтому и не узнала.

- Меня не волнует, за кого ты меня приняла! - Мне было стыдно за то, что Эмили застала меня в таком виде. И я не нашла ничего лучшего, как «ударить» первой.

- Все такая же стерва, Картер?

- Все такая же святоша?

Наши слова прозвучали синхронно, после чего мы обе скрестили руки на груди, будто были зеркальным отражением.

Мы были полными противоположностями друг друга. Свет и тьма. Сияющее солнце и скрытая луна. Ребекка и Эмили.

Мне было любопытно, что довело эту наивную глупышку до слез. Неужели ее парень - Макс Кенинг - не позаботился об этой неприкаянной?

Тут Эмили молча взмахнула руками, улыбнувшись. Девушка выхватила пистолет из моих рук, и, немного помучавшись, вставила его так, как нужно.

Наверное, считает меня полной идиоткой. Ей невдомек, что я сейчас говорить-то не в состоянии, не то чтобы привести в норму свои дрожащие руки.

И все же я была удивлена, что девушка, которую я пыталась отравить, решила помочь мне. Она была приторно доброй, но раздражало меня это лишь потому, что я была лишена такого качества.

Мерзкая, нескрываемая доброта, которой меня почему-то не наделили.

- Тебе самой не противно? Помогать той, что подмешала наркоту тебе в пунш? - Эмили подняла на меня глаза, пожав плечами.

- Не от великого ума ты это сделала, Картер. И сейчас я в этом убедилась. - Она со смешком покосилась на пистолет.

Еще больше меня бесило, что, несмотря на свою доброту, у нее был стальной характер, и она всегда отвечала на мои колкости. Не каждый на это осмеливался. Эмили в этом напомнила мне Мерседес, и я позволила своему сердцу навязчиво сжаться от тоски по общению с заядлой сплетницей.

- А чего носом шмыгаешь? - Эми поставила шланг на место, и, не обращая на меня внимания, развернулась, направляясь к стоящему поодаль Шевроле с открытым дымящимся капотом.

Да, ее дела плохи.

Наплевав на эту «мисс Идеальность», хотела уж было сесть в машину, как вдруг почувствовала укол совести.

Вот так всегда.

С силой захлопнув машину, направилась к ней, грозно постукивая каблуками.

- Ну, - настояла я, чуть не закашлявшись от повалившего на меня дыма. - Что случилось? Почему твой принц еще не прискакал к тебе?

Эмили возвела глаза к небу, затем выпалила так, словно мечтала, чтобы я поскорее отвязалась от нее.

- Поссорилась с Максом. Глупо, на пустом месте. Хотела проехаться, развеять мысли, как вдруг вот это. - Она выразительно глянула на капот, кивнув. - Ну а дальше слезы, паника и небольшая истерика. Макс отключил телефон, и я не могу до него дозвониться. Денег на такси нет.

Она расставила все по полочкам и нагнулась над машиной, видимо, собираясь ковыряться там.

- Не думала, что у вас бывают ссоры.

- Слушай, и так тошно, что тебе нужно? Конечно, бывают.

Она помолчала, а затем добавила, едва слышно:

- Мы же любим друг друга.

Ее слова что-то задели во мне, врезались в голову, как какое-то озарение, которому я еще не нашла определение.

Мы ссоримся, потому что любим.

- Закрывай машину. - Мой голос звучал, как приказ. - Я отвезу тебя, все равно в соседних

кампусах живем. Дам телефон, вызовешь эвакуатор, мастеров или что тебе там нужно.

Я посмотрела на нее взглядом из серии: «Уж поверь, лучше бы тебе согласиться».

Эмили замерла, прищурилась миндалевидными глазами, и, коротко кивнув, пошла за мной.

Как быстро все меняется.

Если бы еще полгода назад мне сказали, что я буду ехать с Бломен в одной машине, я, наверное, захлебнулась бы от желчи.

Наша совместная поездка до кампуса, как и ожидалось, сопровождалась напряженным молчанием. Эмили сидела, как на иголках: об этом свидетельствовала ее прямая осанка и сомкнутые на коленях руки.

Вспомнив о своем обещании, протянула ей телефон, еле сдержавшись, чтоб демонстративно не кинуть его.

Такова была моя натура – выпускать когти, строить козни, общаться с людьми, как с подданными.

Все это мне напоминало повадки одного человекоподобного чудовища, имя которого я решила не произносить. Надолго меня не хватит, разумеется.

- Спасибо. – Вежливая, до тошноты. Все-таки было что-то в Эмили совершенно мне чуждое, но безумно притягивающее. В глубине души я прекрасно знала, что Макс нашел в ней.

Эмилия была родом из России, и даже лицо ее носило совершенно другое, непривычное для Америки, выражение. Слегка задумчивое, глубокое.

Грустное, созерцающее. Она выглядела так, как будто действительно ценила все, что ее окружает.

Эта безусловная любовь ко всему существу заражала. Я уже чувствовала, как симптомы доброты передались и мне, словно простуда по воздуху.

Во время поездки я также отметила ее кофточку лазурного цвета на одно плечо, едва прикрывающую живот, и юбку-солнце в тон. Все это она сочетала с белыми кедами, а что самое удивительное – мне нравилось.

Это вдруг навеяло меня на мысли о том, как я могла бы разнообразить свою коллекцию. Череду платьев замелькала в моем мозгу, окончательно выместив оттуда небезызвестного поддонка.

- Я не хотела, чтобы с тобой случилось что-то плохое тогда. - Не в моих правилах извиняться, но это все Эмили и предрасполагающая к разговору атмосфера.

(Подробная ситуация конфликта Эмили и Ребекки, описана в книге «Позволь мне тебя коснуться»).

Я была тварью, что подсыпала Эми наркотик прошлой осенью - прямо на вечеринке по случаю Хэллоуина. Все это привело к тому, что бывший президент братства - Дмитрий - чуть было не изнасиловал девушку. Тогда меня это не особо волновало, я толком и не знала о том, что довелось пережить Эми в детстве - Кайл рассказывал, что в пятнадцать лет она была изнасилована собственным лучшим другом, от которого и сбежала из России в Америку.

Если до этой истории я думала, что это у меня было беспросветное детство, то теперь поняла, что ошибалась. В то время как самым страшным моим кошмаром была диктатура матери и боязнь за сантиметры на талии, Эмили прошла через настоящий ад.

Как это не сломало ее? Почему она не стала мстить всем мужчинам в одном лице и позволила себе вновь завязать отношения?

Это так и оставалось для меня загадкой. Я была слабее, слабее чем эта крохотная, даже в сравнении со мной, девчонка. И это невыносимо раздражало.

- Проехали эту тему. Тогда меня спас Макс. Это послужило толчком для наших чувств. Каким бы ни было мое прошлое, и какие бы повороты не преподносила судьба, случайности привели меня к счастью.

Она улыбнулась так искренне, что захотелось то ли стереть эту блаженную улыбку, то ли перенять эту привычку.

- Поражаюсь твоей наивности, но я рада, что ты с Кенингом вместе. Хотя, поссорились говоришь...

- У нас это часто бывает. Что мы с Максом только не пережили... Главное, что прошли через это вместе.

Захотелось крикнуть: расскажи! Расскажи, каково это - любить?

- Ссоры лишь сближают нас. Уверена, он сейчас где-нибудь у пляжа. Смотрит на океан и ненавидит себя за то, что отпустил меня ночью одну. Сейчас я вернусь, и он обнимет меня, как

прежде... Знаешь... Так, как будто боится потерять. Больше всего на свете.

Эмили вдруг сама обхватила свои плечи, наверное, представляя Макса.

Я решила молчать, уж слишком царапали меня эти разговоры о их любви.

Невооруженным глазом я видела: их чувства были настоящими. Еще одна, не такая как мы с НИМ, пара.

"Ты же знаешь, мы не будем, как все, Ребекка. Это не про нас».

Изгой наотрез отказывался сходить с престола в моих мыслях и сердце.

- А с тобой что? - Ее пальцы коснулись своих щек, и она оглядела мои ключицы. Черт, совсем забыла накинуть что-нибудь сверху. Хотя, разводы от туши разве что противоголом прикроешь.

- Лучше тебе не знать.

- Не мое дело, конечно. Но я слишком хорошо знаю, как выглядят метки после насилия. К сожалению.

Я сделала музыку громче, не желая об этом говорить. Эмили повернула бегунок назад, убавляя звук.

- Это... Не совсем так. - В душе я рассмеялась, до чего все было абсурдно: я ехала с девушкой, которую считала заклятым врагом. И вот мы обсуждаем подробности нашей интимной жизни, как закадычные подруги.

Докатилась.

- Он... Не рассчитал силу. Мы... Трахаемся. Просто трахаемся.

Эми не была удивлена, лишь в очередной раз изрекла слова, продирающиеся мне в мозг как бабочки, олицетворяющие надежду.

- А разве можно просто трахаться? Это совсем не просто. Секс - это лишь физическое проявление одного и того же чувства.

- Оставь эти сказки для детей, Бломен. Или хочешь сказать, тебя от великой любви изнасиловали?!

- Бывают исключения. Бывают, не спору. Перепихон в туалете Макдональдса, например, вряд ли можно назвать любовью. Но вот регулярно повторяющийся секс не может ничего не значить. Это я так, к примеру. И если уж на то пошло, то да. Даже мой насильник любил меня, он был одержим мной, болен. Я называла это кошмаром. Он называл это любовью.

Одержим, болен.

Ситуация напоминала мою, несмотря на то, что Стоунэм находился в трезвом уме и вряд ли являлся серийным маньяком.

И всё же, Эмили ошибалась. В нем уж точно не было любви. Лишь беспрекословное желание подменить, покорить, нагнуть волю и характер.

- Подумай, может ты даешь ему причины проявлять свои чувства так? Ты можешь сделать первый шаг, показав ему, как надо. Для этого нужно не так много - забота и доброта.

Мы остановились, и я больше не желала слушать ее проповеди. Конечно, ласка ему нужна. Я пыталась. Я правда хотела сблизиться с ним. Но теперь хотела сжечь его на костре, как средневековая инквизиция.

- Пока, Бломен.

- Спасибо, Картер. - Как только Эмили произнесла это и собралась выходить из машины, я услышала звуки рока, издаваемые ее телефоном.

На большом ярком экране четко подписывались лишь три яркие буквы МАХ.

Звонок от Макса.

Она прижала руку с трубкой к уху, и я расслышала какой-то шум, голос, что что-то непрерывно ей объяснял.

Когда Эми вышла из машины, последним, что удалось услышать, было:

- Нет, это ты меня прости. Я идиотка, безумно соскучившаяся по тебе.

Глава 7.

POV Коул

- Сука!

Я с силой ударил кулаком по зеркалу, что висело в ванной. Злость на самого себя была густой, почти физически ощутимой. Вздучалась где-то внутри, будто требовала срочного устранения.

- Отпусти меня!

Я обращался к самому себе, к своему побелевшему отражению. При свете ламп мои глаза выглядели болезненно, жутко. Они такими и были. Словно у изголодавшегося вампира.

- Какого хрена ты снова сидишь внутри... ПОЧЕМУ? - Вены бледного юноши из зеркала с мокрыми от пота каштановыми волосами так и норовили взорваться.

Я боялся смотреть в собственные глаза, зная, что увижу там непроглядную тьму.

Мне нравилось причинять боль.

Гидеона я избил с неподдельным наслаждением, до крови, до фиолетовых синяков и крупных ссадин.

Он умолял меня остановиться, а я все продолжал, бил его и бил, стараясь выпустить из него дурь.

Дон не смел трогать ее. Он не должен был пускать свои грудничковые слюни в сторону Бекки.

Брат за брата, а ее я никому не отдам. Погружу землю в пекло, сотру в порошок, но она МОЯ и точка.

Тело Ребекки мое, и губы тоже мои.

Зажмуриваюсь, представляю ее влажный, терпкий и чувственный рот. То, как губы дрожат, когда целую ее, погружаясь глубже, толкаясь в нее уверенно, быстро.

Запах ее возбуждения, безумного секса, солоноватого пота и пряной кожи.

Волосы. Как зарываюсь в волосы, ощущая жасмин и карамель.

Понадобилось несколько раз, чтоб распознать эти запахи.

Чертов токсикоман и наркоман в одном флаконе.

Но мне нравилось делать больно и ей. Нравилось, как напрягаются ее соски от каждой капли воска, пролитой на ключицы.

Розовые, острые и сладкие. Дополняющие офигенно красивую большую грудь, которую готов был мять без устали.

Да. Да.

Член набух от всех мыслей, в которых гуляла Ребекка.

Девушка, которую я трахал. Женщина, которую не желал ни с кем делить. Бекка... Которую я боялся.

Потому что пробуждала невиданное, раздражающее чувство. Чувство потери контроля над собой под номером два.

Потому что первое было другим - тем, что сейчас заковало в тиски, не давая вернуться к привычному ритму жизни.

Я резко поднял взгляд на зеркало, уставившись на нечто, обладающее черным, ониковым взглядом - лишь маленький просвет из серой радужки между зрачком и темной каемкой вокруг говорили о том, что это был настоящий цвет глаз, а не надетые склеры.

Нечто не было мной, потому что в отражении я видел его - отца.

Я хотел привязать себя наручниками, лишь бы перестать сеять это зло вокруг.

Я мог бы перерезать Ребекке горло и даже не вспотеть.

Сделать это так же легко, как он с Дрейком.

Мог бы избить собственного сына битой, гребенной битой, которая теперь помогала в братстве.

Я мог бы...

Тут я посмотрел на свои запястья. На шрамы, вскрывающие вены тоненькими рубцами.

Я мог бы порезать вены собственному сыну.

Все это сильнее меня, я погряз, ступил в болото, провалившись по шею.

Выхода нет. Надежды нет. Грех пропитал насквозь, жестокость моя переходила все границы в последние время.

Самым ужасным была безысходность. Непреложный факт того, что я не в силах ничего изменить, не в силах перекроить свое тело, вылечить зараженные гены.

Был ли отец виноват в своих поступках?

Я не мог однозначно ответить на этот вопрос. Он совершал ужасные вещи, но до того, как болезнь начала развиваться, он был... Другим.

В киноленте воспоминаний подсознание само обозначило яркую, насыщенную картинку из прошлого.

- Коул, держи его крепко. - В висках раздается голос отца. Такой четкий и ясный, как будто был моей реальностью. - Малыш.

- Уилл, перестань! - Мама рассмеялась, попытавшись перенять меня от отца, но я не собирался отпускать руль машины, которой управлял. Ну как, управлял... Сидел на коленях у папы, в то время как он руководил моими ладонями. - Он еще мал для этого.

- Нет, он уже взрослый и самостоятельный мужчина. Правда, Коул? - Уилл потрепал мои волосы, и я заметил его серые глаза, отраженные в зеркале заднего вида.

- Да, мамочка. - Четырехлетний я гордо восседал на коленях отца, чувствуя, как скорость автомобиля увеличивается. Совсем немного. Мы находимся за городом в небольшом городке, где у нас был дом у озера. - Врум-врум!

Я еще резче сжимаю кулаки на руле, понимая, что папа отпускает свои руки, но все же одну держит наготове. Другой он крепко обнимает меня, постоянно раздавая указания.

- Только не отпускай руль. Движения оставляй плавными. Мы едем прямо и без поворотов, Коул...

На самом деле, мы не ехали, а ползли со скоростью пять километров час. Но я возомнил себя заядлым гонщиком, а воображение рисовало мне шлем и костюм подобно тем, что я видел в видеоиграх.

- Молодец, Коул. У тебя замечательно получается.

Я снова бросил на него мимолетный взгляд, заметив искреннюю улыбку отца.

- Молодец, малыш, - продолжал поддерживать он, и тут я осмелел совсем, решив повернуть руль в сторону.

- Уилл, следи за ним!

- Да слежу, я слежу! - Отец тут же исправил мою траекторию, не давая нам улететь в кювет.

- Ох, все-таки я переживаю.

- Не переживай, мам! Это ЛУЧШИЙ день в моей жизни! Лучший! - Мама недоверчиво поджала губы, и все же, иногда поворачивая голову в ее сторону, я замечал переполненные счастьем глаза.

- Мама права, нужно закругляться. Мы скоро выедем на трассу, Коул. - Папа одобрительно похлопал меня по плечу. Его ладонь была тяжелой, горячей. Поддерживающей.

- Ну нееееееет!

- Ну да! - Легким движением он взял меня за подмышки и передал матери.

Я был очень привязан к ней. Мама прижала меня к груди, я в ответ обнял ее двумя руками, чуть не расплакавшись.

Ее шея пахла мылом. Я помню это. Я прекрасно помню свою мать, которая меня оставила.

- Коул, ну, тебе понравилось водить? На обратном пути сядешь снова.

- Хорошо. - Я затаил маленькую обиду, но тут же отошел от нее. Мама коснулась моих волос, открывая лоб, и посмотрела на меня так, что спустя годы я до сих пор не могу забыть этот взгляд.

Мама смотрела на меня с восхищением, обожанием и нежностью. Так было всегда. Даже мое имя она произносила с особой интонацией, словно выбирала ее не один месяц.

- Мама любит тебя, Коул. - Она перевела взгляд на папу, а он, в свою очередь, посмотрел на меня.

Осознанным взглядом.

Взглядом моего отца, а не поехавшего психа, которым он в последствии стал.

- Папа любит тебя, Коул.

Я озадаченно посмотрел на них тогда, задумавшись. И так ничего и не ответил, крепче прильнув к матери.

Я и понятия не имел, что такое любовь. Но, судя по их взглядам, это было что-то особенное. То, что оставляло в зеркалах души этот глубокий, не убиваемый отпечаток.

Холодная вода выбрасывает меня из воспоминаний, возвращая в ванную.

Она не придет.

Эта мысль поразила мой мозг, породив линию игл, впивающихся в позвоночник. Я согнулся пополам, впиваясь ногтями в собственную грудь, увенчанную татуировкой орла.

Он расправлял свои крылья, выбитые на ключицах, плавно переходил в забитый тату рукав.

Над головой его висел крест, который я никогда не снимал.

Крестик обжигал кожу, оставляя на ней красное пятно, как будто провоцируя аллергию.

- Пока он на мне, все хорошо. - Слова врывались тихо, неуверенно. Паранойя была так велика, что золото начало жечь, не хуже раскаленного воска. Захотелось немедленно снять крест, избавиться от этой боли, но я не мог. - Пока он на мне, все хо-ро-шо. - Я должен быть увереннее. Я должен быть сильнее этого всего. Черт, лучше сразу на электрический стул, чем в эту чудовищную психбольницу.

Кто знает, когда я там окажусь?

Может, через неделю. А может, через десять лет.

- Хорошо. Все просто, охренеть, как хорошо. - Заламываю указательные пальцы, думая о наркоте, которая бы не помешала. Хотя бы один грамм, хоть капельку втереть в десна и забыться.

Забыть прошлое и Ребекку, которая подобралась ко мне слишком близко. Я ведь и не думал, что игры зайдут так далеко. Не предполагал, что мысли о ней будут занимать так много

времени.

Но теперь, кажется, все закончилось. Я даже не знал, сможет ли мой шантаж попрежнему держать ее в страхе. Разве только если она дорожит отношениями с этим вылизанным щенком.

«Злишься, что я нужна Стефану, а тебя окружают лишь шлюхи и долбанутые, как ты, братья».

Я не хотел ее терять. Свою игрушку. Без нее все станет бессмысленным.

В руки я взял таблетки, которые прописал мне доктор. Коричневатый прозрачный пузырек с его фамилией и инициалами.

Я насыпал себе целую горсть, сжав в кулаке. Я никогда их не пил. Зачем? Ведь это все равно неизбежно.

Интересно, что сказала бы Ребекка, если бы узнала эту правду обо мне? Наверное, побрезговала бы.

Не комильфо - трахаться с психом.

Паранойя поглотила меня целиком - та самая, от которой леденеет кровь и сердце. Раздав в кулаке горсть таблеток, я со всей дури ударил по зеркалу костяшками пальцев, и на этот раз оно разбилось, уничтожая демона в его отражении.

Меня отрекошетило на пол, а под ногами валялись сотни хрустальных осколков. Костяшки пальцев покрылись кровью, но я знал, что на время я вновь стал собой.

И каждая клеточка моего тела умоляла о том, чтобы оказаться рядом с ней.

Глава 8.

POV Ребекка

- Ты не должна об этом беспокоиться. - Мерс говорила об этом, как ни в чем не бывало. Так, будто она только что не внесла свой вклад в мою маленькую мечту.

- Я не могу принять твои деньги и помощь. - Мерседес так растрогала меня своим поступком, что даже довела до тона а-ля "Эмили».

- Это же будет наша общая коллекция, просто я буду заниматься продвижением в Европе, а ты у себя. К тому же, я вернулась в свой идиотский колледж для девочек... Ты бы знала, как здесь скучно. Мне просто необходима какая-нибудь новая интрига или же дело, которое хоть как-то отвлечет меня от монотонных скитаний по колледжу...

- Я отослала наши эскизы знакомым фотографам из журнала, для которого снималась пару раз... Они сказали, что с этим можно работать. Постараются вписать меня на какую-нибудь презентацию, если повезет. - Я пожала плечами, делая вид, что не возлагаю на это особых надежд.

Но я загорелась. В последнее время, эскизы, представляемая в голове одежда стали для меня всем.

Я превратилась в какого-то робота, перед которым проложили путь к цели, и он делал все возможное, чтобы достигнуть ее за максимально короткие сроки.

К тому же, это дело здорово отвлекало от мыслей о Коуле, который вел себя очень странно в последние дни, хоть мы и не общались.

- Надеюсь. Так что я помогу, чем смогу. Только попроси.

Я кивнула, но для себя решила, что не возьму у Мерседес ни цента. Хотя, конечно, приятно было знать, что она верит меня. Верит в нас.

- О... А этот взгляд мне не знаком. - Мерс вдруг помахала рукой, что тут же отразилось на экране моего ноутбука. - О чем задумалась? О Коуле?

- Нет. В последние две недели мы не общаемся. - Для наглядности я тыкнула пальцем в ключицу, прямо туда, где до сих пор краснела небольшая круглая ссадина, оставшаяся от воска.

- Совсем-совсем? - Мерседес приподняла брови, читая меня, как открытую книгу.

- Да. Совсем не общаемся.

Частично, это было правдой, частично - нет. Скорее, это было одностороннее общение, исходящее от Коула.

Его словно подменили после той ночи. Он не писал мне письма. Он даже не слал сообщения. Не было ни угроз, ни едких обещаний стереть меня в порошок.

Но он звонил, оставляя очень странные сообщения на автоответчике.

Чаще всего это были хриплые стоны, оповещавшие мне о том, что находился он, скорее всего, под кайфом.

«Ты нужна мне. Ты должна прийти сегодня. Ребекка, это важно».

Выслушав пару таких сообщений, я поняла, что они не несут в себе толковой информации, и последующие уже удаляла.

Меня пугало лишь чувство, преследующее меня, как приступы паранойи. Каждый раз, когда я возвращалась домой с учебы, мне хотелось бежать по улице. Глупо, но я почему-то боялась очередного подвоха, который мог поджидать меня где угодно.

Мне было страшно поворачивать ключ в своей двери, зная, что там может оказаться очередное письмо от Коула, которое уже стало для меня вестником беды.

Автоответчик и пьяный хрип - это одно; а вот осознанное письмо, написанное от его руки - это уже совсем другое.

Чтобы не гадать, чем же были вызваны перемены в отношении Коула, я целиком и полностью уходила в работу, прерываясь лишь на то, чтобы поболтать со Стефаном и Мерседес или погулять с Зевсом.

Коул сильно ошибается, если думает, что я вернусь в его гребанную спальню и как всегда раздвину перед ним ноги, преклоню колени...

Нет, не бывать этому. Никогда.

Он перешел грань дозволенного.

- Ох, как же он мне нравится! - Глаза Мерседес горели, она проследила за моими пальцами, замеревшими у ключиц. - Безумный. Страстный. Со странностями...

- Странностями?! Странно - это когда парень набивает себе тату бабочки во всю спину. Или, скажем, читает «Сумерки» на паре по программированию. Но вот держать у себя дома змей, тараканов и ящериц - это уже тотальный идиотизм и болезненное мировоззрение, а не странность!

- По-моему ты лукавишь. - Мерседес прищурилась, подозревая меня во лжи. - Ты же любишь их тоже. По-моему, тебе нужно поговорить с ним.

- Нам не о чем разговаривать. Скоро приедет Стефан. И я... Забуду о Коуле.

Я вдруг представила лицо Коула, когда он увидит меня, прогуливающуюся мимо братства со Стефом под руку.

Далее в голову полезли самые худшие картины того, что он мог сделать со мной, находясь в том состоянии, как в ту ночь.

Не то чтобы мне совсем не нравилось... Скорее убивало его отношение ко мне.

Как к вещи.

Которую можно списать в любое время, купить новую, заменить за ненадобностью.

Что ожидать от него в следующий раз? Будет тушить сигареты о мою шею?

Ну уж нет.

- У тебя столько всего интересного там. - Мерседес скривила губы от разочарования. - У меня одни девочки. Самое большое событие - это тайком распить бутылку вина или посмотреть порно. Хотя, на прошлой неделе произошло кое-что необычное. Но об этом расскажу позже.

Я улыбнулась, в который раз поймав себя на мысли о том, какое это счастье просто с кем-то поговорить. Мои шестерки уже и забыли про меня - по колледжу я ходила, как прежде - гордо, с приподнятым подбородком, - да только вот теперь без свиты, которая разделилась на несколько пар.

Девочки не раз пытались подойти ко мне и выяснить в чем дело, но я просто их игнорировала.

Кажется, Коулу действительно удалось во мне что-то сломать. Снять с меня маску, которую носила многие годы.

Попрощавшись с Мерседес, я вернулась к работе над эскизами и сидела над ними до тех пор, пока Зевс не вмешался в мой творческий процесс.

- Ну что, побегаем? - Не выдержав его назойливого твяканья, я сдалась, вставая с постели.

Пес послушно сел у двери, наблюдая за тем, как я переодеваюсь в спортивный костюм: короткий топ и обтягивающие черные легинсы до середины талии.

Время от времени он поторавливал меня, издавая утробные рычащие звуки.

Закат раскрасил небо пурпурными красками, и мне вдруг невыносимо захотелось оказаться возле дамбы. Взглянуть с высоты на границу между ярко-розовым небом, прощающимся с сегодняшним днем, на маленький полукруг солнца, скрывающийся между рекой и облаками.

В последнее время я не возвращалась туда. С тех пор, как приехала из Франции, я так ни разу и не была там, а все потому, что Стоунэму удалось осквернить во мне даже это.

Даже мое место.

Где он просто плюнул мне в лицо и растоптал все надежды. Коул отлично играл судьбами других людей, и его сила заключалась в том, что к себе он никого не подпускал.

Ни у кого не было оружия против Коула Стоунэма. У него не было ни одного слабого места, о котором бы знала я или какой-либо другой человек из его окружения.

Сумерки окрасили улицу в серо-синий приглушенный цвет, и я невольно порадовалась тому, что сегодня с Зевсом. Он, конечно, не самая злая собака в мире, но постоять за меня сможет. И с каких пор я стала бояться просто ходить по улице?

Я бежала, смотря прямо перед собой, но тут почувствовала под ногами какой-то хруст и остановилась как вкопанная. Зевс бегал недалеко впереди и замер вместе со мной, приняв к чему-то, что валялось на тротуаре.

Этого просто не может быть.

Я нагнулась для того чтобы поднять цветок, якобы случайно оставленный на асфальте. Все бы было в порядке, если бы лепестки у розы были белыми или красными.

Но это роза была синей.

Дотрагиваясь до шипов дрожащими пальцами, я чуть не всхлипнула в голос, постаравшись привести дыхание в норму.

Это ничего не значит. Она действительно может лежать просто так...

Но стебель этой розы был длинный, а лепестки гладкие, как шелк. Точь-в-точь, как другие розы, что присылал мне Коул.

- Зевс, нам пора возвращаться! Ко мне, мой хороший. - Пес тут же направился ко мне,

придерживая в зубах абсолютно такой же цветок. - Выплюнь эту гадость, прошу тебя... - Я наклонилась к Зевсу, на что он повесил уши, будто не понимал, чем мне не нравится подарок, который он мне преподнес. - Нам нужно домой, пойдем. - Погладив, я потянула его на себя, собираясь бежать к кампусу, но не тут-то было. Зевс будто бы прилип к асфальту, смотря то на меня, то куда-то в даль. Туда, где находился особняк братства. - Ты же не хочешь, чтобы я ругалась? - Но тут пес ринулся вперед, оставляя меня одну посреди стемневшей улицы. - Зевс!

Черт, и куда его нелегкая понесла?

Мне ничего не оставалось, как побежать за ним, не понимая, какая из нитей Ариадны повела его прямо в логово зверя. А если быть точнее, в особняк братства «Дельта Зетт», к которому я обещала не приближаться.

На асфальте валялись синие розы, разложенные через каждые шагов двадцать, и к каждой Зевс принюхивался, будто бы запах был ему родным и знакомым.

Еще бы. Столько этой гадости побывало у меня в комнате.

Коул не только испортил мою дамбу, но еще и любовь именно к этим цветам, именно этого цвета.

Когда мы начали приближаться к особняку, мне действительно стало не по себе. Я до слез не хотела посещать братство. К моему удивлению, Зевс и не собирался провожать меня до его двери... В какой-то момент он свернул с пути и заставил меня обогнуть здание целиком.

Чем ближе я была к дому, тем больше роз встречалось на моем пути. Зевс замер возле арки, которая вела на террасу позади особняка. Как раз туда, где были вечеринка у бассейна и та самая калитка, где посыпал меня угрозами Коул.

- Нет, мы туда не пойдем, Зевс! - Но было уже поздно. Черный пес скрылся за аркой, и мне ничего не оставалось кроме того, как сжать зубы и войти на территорию братства.

Да только чувство у меня было такое, что Зевс повел меня на смертную казнь, а не на вершину Олимпа.

Долго оглядывать террасу не пришлось, я почти сразу заметила своего палача, к которому, как сумасшедший, подлетел Зевс.

Я приоткрыла рот от удивления, когда увидела то, что меня окружало.

Никакой музыки, никакого шума. Это не была очередная вечеринка братства. По правде говоря, здесь не было никого, кроме Коула, и того, что он сделал.

Я приложила руку ко лбу, проверяя, не нахожусь ли в агонии, и не мерещится ли мне все это.

Трава на трассе была украшена маленькими круглыми светильниками, от которых исходил приглушенный неоновый свет. Они образовывали небольшую дорожку, которая вела меня прямо к столу, где стояли чаши с ягодами, шоколадом и вино.

Несмотря на то, что на улице было темно, я отлично видела лицо Коула и то, как в его глазах отражаются новые, невидимые для меня раньше языки пламени.

Только вот желание взять горящую свечу немедленно и воткнуть ему прямо в грудь так и не пропало, несмотря на всю эту обстановку, которая поразила бы любую девушку.

Я была впечатлена.

Но это не значит, что я буду настолько глупа, чтобы поверить в очередной спектакль Коула, который он для меня приготовил.

- Ты выглядишь, как маленькая девочка. - Коул провел ладонью по своему лицу, намекая на то, что я почти не накрашена.

Я посмотрела на него, слегка прищурившись.

- Что за хрень? - Я оглядела его пренебрежительным взглядом, чувствуя себя сильной, как прежде. Страх вдруг пропал, испарился.

Губы Коула вздрогнули, и он как-то не по-своему нервно поправил и так неуправляемые каштановые волосы. Мы обменялись между собой долгим взглядом, и я вдруг поняла, что конский хвост, отсутствие косметики и спортивный костюм вряд ли можно считать сексуальными.

Зато вот мистер, мать его, зло, выглядел, как всегда, с иголки.

Разве что одет был совсем иначе - я уже привыкла видеть его в рубашке, но сегодня, несмотря на такую обстановку, он был одет в джинсы и простую черную футболку, что слегка задралась из-за пояса. От моего взгляда не ускользнула полоска боксеров, торчащая поверху джинс, и неприкрытые косые мышцы, прикосновение к которым я почти забыла.

Я забыла какво это - прикоснуться к нему. Забыла и не хочу вспоминать.

- Садись, - намного мягче, чем обычно, произнес он, взглядом указывая мне на стул.

- Ты серьезно? Клубника, шоколад? Ты думаешь, я поверю, что это не очередные орудия для пыток?

- Успокойся, Ребекка. – Голос Коула был спокоен, а взгляд – пустой и отсутствующий. По расслабленным желвакам я поняла, что с ним что-то не так.

Это был не совсем тот Коул, которого я знала.

Другой... Чужой какой-то. И далекий.

Неужели его последняя выходка подействовала? Неужели вот оно – долгожданное равнодушие, отпущение грехов и одержимости, которого я так ждала?

Почему-то эта мысль не принесла мне радости.

- Успокойся? Засунь эту клубнику себе в задницу, понятно?

Коул со всей дури вмазал кулаком по столу - так, что я встрепенулась всем телом, не ожидая такого. Уже в следующую секунду он закрыл глаза и поднес пальцы к вискам, разминая их.

- Не зли меня, – тихо прошептал он, по-прежнему не поднимая веки. – Разве ты не этого хотела?

- Чего? – Я совершенно не понимала, что происходит. Единственное чего желала моя душа - это сделать два шага к нему и разбудить. Разбудить в нем зверя, которым он всегда был. Пробудить дьявола.

- Чтобы я открылся тебе. Ты же хотела узнать меня, не так ли?

- Это было до того, как ты чуть не спалил меня заживо.

- Не преувеличивай. Тебе понравилось. К тому же... Теперь все будет иначе.

Зевс стоял между нами и изредка скулил, бросая на нас любопытные взгляды. Отличная картина, ничего не скажешь.

- Ребекка, ты можешь задать мне любой вопрос. Я должен дать нам шанс.

- Нет никаких «нас».

И тут он поднял глаза, полные нестерпимой боли.

Я только сейчас заметила, что все-таки что-то с ним было не так. Одна рука, что до этого он прятал в кармане, была перевязана бинтами, и, заметив, что я смотрю на нее, Коул вновь убрал ее туда, будто бы не хотел, чтобы я знала, с чем это связано.

На обычно гладковыбритом лице красовалась щетина, которая ему все равно шла, но делала старше.

- Больше никаких угроз, Бекка... Больше ничего этого не будет. Я сдаюсь. - Он поднял руки в воздух и раскрыл свои ладони. Я прекрасно видела, что на бинте выступали капельки крови.

Я не верила ему. Все это была постановка, актерская игра. Что ж, bravo, Стоунэм, но премии от киноакадемии тебе не видать.

- У меня к тебе только один вопрос: зачем ты терзал меня все это время? Зачем шантажировал? И почему, вдруг, перестал?

- Это три вопроса. - Уголки его губ поползли вверх, несмотря на прежний отсутствующий «некоуловский» голос.

- Не важно.

- Потому что... Ты нужна мне. Но я не умею иначе. Не умел.

Я затрясла головой, не веря своим ушам. Унижение, что я испытала, все потому, что он, видите ли, не мог иначе?

- Со временем ты узнаешь обо мне все, если захочешь. Просто не нужно закрываться от меня, Ребекка... Просто будь со мной. Спаси меня от самого себя.

Я смотрю на Коула, а потом на стол, что разделяет нас. Волны злости одолевают меня, накапливая внутри лаву из горечи, что готова прорваться в любой момент.

Чем больше смотрю на Коула, тем сильнее понимаю, какой фарс это все.

Мне совершенно не жалко его руки, которые были в крови. Не жаль его опустевшую душу с отсутствующим взглядом.

Я не верю человеку, что стоит передо мной, а самое страшное, что я... ничего не чувствую. Абсолютно н-и-ч-е-г-о.

А потом я вспоминаю то, как он возвышается надо мной, заламывая руки. То, как кусает губы, безудержно пробуя их на вкус. То как, шантажирует меня, заставляя меня непрерывно падать, хватаясь за воображаемые скалы.

Я вспоминаю настоящего Коула, а не это, напичканное чем-то, существо.

И того реального Коула я ненавижу всем сердцем. И нет ничего пленительнее этого чувства.

- Спасай себя сам! - Накопившийся в жерле души адреналин вырывается наружу в виде непроизвольно тянущихся к столу рук. Через секунду я опрокидываю его на траву, и вся клубника летит к чертям. Как только Зевс слышит звуки бьющихся бутылок, начинает выть во всю глотку.

Я с силой бью Коула в грудь, да так, что мне действительно удается сдвинуть его на пару шагов назад.

- Урод...

Толчок.

- Который думает, что можно сначала вывернуть меня на изнанку...

Толкаю его снова, напрягая костяшки пальцев.

- А потом говорить «будь со мной»...

Коул останавливается, не обращая внимания на мои кулаки, и все же атмосфера меняется за считанные секунды.

И я понимаю это по сильной хватке, что заковывает меня в наручники из его пальцев. Коул со всей дури притягивает меня к себе, широко распахивая глаза, обдавая меня знакомым жаром.

Вот оно. Да. Давай, злись, просыпайся. Прошу тебя. Умоляю, Коул. Вернись ко мне. Вернись ко мне настоящий.

- Разве не этих слов ты ждала? Тогда, на дамбе?! - Он взревел так, будто был зверем, которого разбудили после долгой зимней спячки. В зрачках вновь заплясали бесы, сражающиеся между собой.

- Какая разница?

- Большая, сука, разница! Ты уж определись, что тебе нужно! А уже потом размахивай своими руками... - Он на секунду замер, будто обдумывая вертящееся на языке оскорбление. - Потаскуха.

Безудержно плюю в его вновь полное жесткости лицо, совершенно не думая о последствиях.

Мне все равно. Хуже, чем было, уже не будет.

- Ох, ты за это поплатишься, - рыкает он, одернув лицо, как от пощечины. Знаю, что задела его этим жестом. Хуже плевка в лицо может быть только плевков в душу.

- Чем? Что у тебя там из приемов? Ремень? Лед? Воск? Я уже все видела, мне ничего не страшно, Стоунэм!

Челюсти его сжались, скрывая все посторонние эмоции. Рука властно обвила мою шею, напоминая о том, кто здесь хозяин. Взгляд Коула вновь стал гипнотическим, вводящим в какую-то протрацию, когда отключались все мысли, и оставалась лишь одна: только бы не смотреть в эту серебристую бездну его глаз.

- Что, что ты со мной сделаешь? Задушишь? Давай, ну давай же... - Мой голос осип, его пальцы сжимали затылок, давили на сонную артерию. Всего лишь одно маленькое нажатие, и он больше не услышит моих истеричных криков.

- Задушить тебя было бы так человечно. Помнишь, я говорил тебе нечто подобное? Я сделаю хуже. Я не стану уничтожать тебя, Бекка. - Он снизошел до угрожающего шепота, который я сразу узнала. Шепоток маньяка-убийцы из самых страшных фильмов ужасов. - Я раздавлю твои мечты. И ты станцует для меня на их осколках...

- А потом снова сделаю вот так, гад! - И я снова это сделала, потому что руки в драке с Коулом были бесполезны. Я снова плюнула в его бездушное лицо и получила в ответ оплеуху.

- Проваливай, тварь. Проваливай ты и твой...- Он будто хотел дать оскорбляющее прилагательное, но вдруг в последний момент передумал, посмотрев на него.

На миг мне даже показалось, что ему становится стыдно.

- И твой пес!

Его руки размыкаются, и я делаю такой глубокий вдох, что болят легкие.

Голова болит после его удара, и я не могу поверить, что он распускает руки. Как слабак. Как последняя скотина.

- Тебе нужно в психушку! Ясно?! Только там тебе и место. - Я тяну Зевса на себя, мечтая о том, чтобы убежать прочь.

Но он не слушается.

Он смотрит на Коула, а Коул недовольно глядит на него, сжимая кулаки до бела.

- Зевс, пойдем! - командую я, но пес вдруг бежит к Коулу, ласково припадая к его ногам.

Я расцениваю это чуть ли не как предательство.

Зевс никогда не ведет себя так с чужими людьми. Ни-ко-гда.

Я едва дышу, когда наблюдаю за тем, как Коул наклоняется к собаке и обхватывает его морду двумя руками.

- Какого хрена ты делаешь? Это моя собака! - Отчаяние в моем голосе слишком заметно, и это просто убивает.

Но Коул ничего не отвечает, он просто с минуту смотрит в глаза моему псу, после чего отпускает его. Зевс бежит ко мне довольный и счастливый, как будто перед ним только что не развернулась великая драма.

- Это не совсем так, - растягивая слова, произнес Коул, бросая на меня полный едкого дыма взгляд. - А теперь проваливай. И помни: на этот раз пощады не будет.

- Я тебя не боюсь! - Я тяну на себя Зевса, но, к счастью, этот предатель уже и сам спешит домой, и всю дорогу я раздумываю над тем, как наказать его.

Но за что? За то, что он слишком любопытен, и синие розы привлекли его внимание? За то, что у него слишком острый нюх, и он привел меня к Коулу?

Кто знает, что у него в голове. Это же Зевс - мой любимый друг, мой единственный друг, который был со мной рядом последние несколько лет.

Я не могу наказывать его за то, что Стоунэм нравится даже собакам.

Может, он добавляет что-то себе в туалетную воду?

Собачий корм, например.

В нос сразу же ударяет запах Коула из моих воспоминаний. Мужественный, обволакивающий меня всю.

С ужасом вспоминаю то, как пахнет его кожа, когда осторожно прислоняюсь носом к каменной груди.

То, как его дыхание касается моих щек перед очередным дерзким поцелуем.

То, как его язык исследует мой рот и оставляет на моем небе вкус мяты.

Коул Стоунэм занимает все мои мысли, какую бы гадость он не совершил.

И от этого камень на моем сердце не становится легче.

Глава 9.

POV Коул

Ребекка была права, когда говорила, что мое место в психушке.

Я не знаю, зачем это делаю, но иногда прихожу сюда, не только для того, чтобы повидать отца.

Проходя мимо одной из спальных комнат психиатрической больницы, замечаю простую кровать, заправленную белым постельным бельем, и вздрагиваю.

Нет, я не присматриваю себе будущее место.

- Мистер Стоунэм, вы пришли на обследование? Доктор Рент ждет вас в своем кабинете. – Передо мной уже знакомая мне милостивая блондинка. И она опять преданно смотрит на меня снизу-вверх.

- Нет. Никаких обследований. Я больше не хочу ничего о себе знать.

Девушка бросает на меня полный недоумения взгляд. И тут я задумываюсь: сколько ей? Выглядит не старше меня, вполне может обучаться в моем колледже.

Эта мысль поражает меня, как так и в воображении я рисую себе картины, где с ее легкой руки о моей «проблеме» узнают все подряд.

- Но... Если болезнь диагностируют, вам окажут наиболее подходящую помощь...

- МНЕ НЕ НУЖНА ПОМОЩЬ! - От моего крика подпрыгивает даже бабушка, занимающая скамейку в коридоре. Она с укором смотрит на меня, но затем ее взгляд сменяется мерзким сочувствием, как будто она хочет сказать: «Бедняга. Такой молодой, а уже сумасшедший».

- Я в порядке, ясно? - уже тихо говорю я, мягче поглядывая на медсестричку.

- Да, да. Разумеется. - Эта тварь разговаривает со мной, как с каким-то молокососом. Знаю, что преувеличиваю, но так и хочется припечатать ее к стене и сжать горло.

Представляя, что это Ребекка.

На моих глазах девушка трансформируется, искажая реальность: вот белые пряди превращаются в черные, как сапфир, волосы, а личико становится стервозным, вызывающим и уверенным.

Я смотрю на пухлые губы лже-Ребекки, что стоит передо мной, и смягчаюсь.

- Я не хотел... - Ребекка поднимает на меня взгляд и берет за руку. Осторожно так, как будто боится, что я сейчас разорву ее в клочья. Бекка никогда так не дотрагивается до меня.

Горечь от осознания того, что это не она, заполняет мои легкие до краев, обжигая ребра, словно кислотой.

- Вам просто нужно пройти процедуру электросна. Это безопасно. Успокаивает нервную систему. - Ненастоящая Ребекка распадется на куски, вновь превращаясь в доброжелательную медсестру. Кроткую, тихонькую и не заслуживающую к себе хамского отношения.

- Правда?

Я одариваю девушку улыбкой, от чего ее щеки рдеют, становятся похожими на маленькие красные яблочки.

- Да. Я провожу вас. Я скажу доктору Ренту, что сегодня вы не готовы к приему. - Она ускоряет шаг, направляясь, по-видимому, в процедурную для электросна.

- Спасибо.

Мне становится гораздо легче, когда я предвкушаю здоровый сон. Пусть хоть и ненастоящий, вызванный специальными препаратами.

В последнее время, это моя единственная возможность поспать, не вздрагивая от бойни, что происходит внутри.

- Пока вы все – неудачники, которых мы соизволили подобрать и приютить в нашем братстве. – Взглядом я окинул кандидатов, что сидели, привязанные к стульям. В ритуальной комнате царил мрак, нарушаемый лишь редкой подсветкой огня, бурлящего в подсвечниках.

- И несмотря на то, что мы все были к вам довольно терпимы, вы по-прежнему нарушаете наши правила.

- Н-но т-такого н-не было... - заикаясь, произнес один из кандидатов. На него-то и упадет мой гнев, раз он такой смелый. Значит, с ним еще можно поработать.

- Да? Вы, кажется, забыли, что каждому из вас запрещены любые отношения с нашими девушками до конца посвящения, и что я вижу?!

Я посмотрел на Александра, и, одобрительно кивнув, тот взмахом биты разрезал воздух на две части.

- Вам запрещается прикасаться к нашему складу, но я уверен в том, что, когда я в последний раз проверял его, товара там было больше, чем есть теперь, – добавил Гидеон, встречая в мою речь. Я кинул на него полный ненависти взгляд, с удовольствием замечая синяк под его глазом и рубцы от ссадин на лбу.

Внутри просыпается зверь, который хочет терзать его снова и снова, вбивая кулак в его точеную рожу.

Как далеко я зашел.

С каждым днем монстр внутри меня душит человека, забившегося в самый отдаленный угол души.

Или того, что от нее осталось.

Но все это не важно, потому что мне больше не для кого ее беречь.

Ребекка так привыкла к моей жестокости, что не поверила мне, когда единственный раз я хотел сделать для нее что-то красивое.

Поговорить с ней. Открыться. Рассказать все, что она хотела бы обо мне знать. Я даже рассказал бы ей про отца, про то, что терзает меня все годы моей жизни.

Почему я был таким одиноким в школе, почему закрывался ото всех и не желал общаться ни с кем, кто мог бы спровоцировать мою настоящую сущность.

Она могла бы узнать все это, но она плюнула.

- Кто взял товар со склада? - Я подошел к самому говорливому кандидату и с размаху врезал ему по щеке, от чего его голова метнулась в противоположную от удара сторону.

- Аааааа, - взревел тот, несмотря на то, что я не применил даже и половину своей силы. Слюнтяй.

- Ты, сопляк. - Я схватил его за искаженное от боли лицо и прохрипел, четко проговаривая каждое слово, режущее пространство вокруг нас. - Если ты немедленно не скажешь, кто это сделал, я заставлю тебя жрать дерьмо, это понятно?

В ответ молчание и лишь всхлипывающие звуки.

- Тебя спросили, неудачник, будь добр, ответь. Не забывай, кто к тебе обращается. - Это был голос Александра, что стоял позади меня.

- Я не знаю. Не знаю. Пощадите! - захныкал он, от чего желудок моментально скрутило. Не от жалости, а от разочарования.

- Если еще раз попросишь пощады, вылетишь отсюда. Не успеешь даже моргнуть, как вылетишь. - Гидеон помог мне поддержать нравоучительную беседу.

Я вновь оглянулся на него, понимая лишь то, что он делает вид, что до сих пор верен мне. В глазах же его затаилась неприкрытая злоба на своего хозяина. И я знал, что рано или поздно эта злоба вернется ко мне той же валютой, что была доставлена Гидеону.

Он еще мне подгадит, я уверен. Если, конечно, найдет слабое место. Которых, после ухода Ребекки, больше нет.

- Нет. Вся моя семья состояла в этом братстве. Вы не можете так со мной поступить...

- И со мной, - почти хором ответили кандидаты, на что я только усмехнулся.

- Я думаю, вам стоит познакомиться еще с одним членом нашего братства. - С этими словами я отошел вглубь комнаты, заглядывая в переносную стеклянную емкость, из которой доносилось знакомое, почти родное шипение. Анубис был безопасен для человека, но они-то об этом не знали. Конечно, он мог бы задушить, если уж очень сильно разозлить змея.

- Его зовут Анубис. - Ужас застыл в глазах у всех кандидатов, и только мои собратья сдерживали трепет, который чувствовали при виде змеи. Беззащитного питона, красивейшего создания на земле, они боялись.

Все потому, что ничего не знали об объекте своего страха.

Страшна лишь неизвестность, все остальное - иллюзия.

- Он хочет познакомиться с вами поближе. - Анубис лежал на моих плечах и слегка обвивал мое тело, сворачиваясь по нему по спирали. Если бы он только ускорил свои движения, осел на моей шее...

Но я ему доверял, как он доверял мне. Животные зачастую заслуживают гораздо большего доверия, чем люди.

Его скользкая чешуя скользила по моей спине, а лик свой он развернул ко мне, оказавшись неподалеку от лица. Изредка он выпускал свой раздвоенный на две части язык и издавал шипящие звуки, что приводили меня в восторг, а вот у всех остальных вызвали желание покинуть ритуальную комнату немедленно.

Ребекка бы рассмеялась в их полные страха лица, сама усадив змею на свою шею.

А она ведь была девушкой.

- Я оставлю его здесь. И помните: он не любит резких движений, - холодно произнес я, проверяя, все ли кандидаты связаны. - Фас, Анубис. Фас.

Я подал знак своим братьям, которые начали покидать комнату по одиночке - кажется, я слышал их судорожные выдохи каждый раз, когда кто-нибудь из них выходил за дверь.

Я ушел последним, запирая дверь на замок, за которой тут же раздались крики и ругательства, как будто я запер в подвале сотню куриц.

Да уж, им предстоит через многое пройти, если они действительно хотят стать одними из нас.

- Ну что я вижу, вы тоже испугались? - подшутил я над братьями, лица которых были бледны, как снег.

- Это питон. Он же... Травкой питается, да? - Я пожал плечами, как будто не знаю ответа на этот вопрос.

- Ну что, может, партию в покер? - Гидеон, кажется, хотел отыграться за прошлый раунд. На той игре я лишил его нескольких сотен долларов, и это как раз был день, когда избил его, стирая собственные костяшки в кровь.

- Я не против. - Александр кивнул, и мы все согласились, намереваясь отвлечься от всего, что только что прошли.

Только сев за игровой стол, я вдруг понял, что только что сделал. Осознание всегда приходило ко мне после.

Если ты немедленно не скажешь, кто это сделал, я заставлю тебя жрать дерьмо, это понятно?

Меня передернуло от собственного голоса, прозвучавшего в голове, как эхо.

Черт, я ублюдок... Какой же я ублюдок. С приходом в братство я опустился на самое дно.

- Раздавай, Стоунэм. - Гидеон обратился ко мне, меняя всем деньги на фишки, и я кивнул, взяв хорошо знакомую колоду в руки.

Я никогда не проигрываю, даже когда теряю деньги.

Ведь у меня ничего и нет, чтобы что-то проиграть.

Нет ничего по-настоящему ценного.

А перед взором снова встает чародейка с карими глазами, унося мои мысли куда-то далеко в прошлое, которое у нас было.

Но больше...

Нет никаких нас.

POV Ребекка

- Простите. Это не то, что я заказывал. - Я вглядываюсь в лицо Стефана, наблюдая за тем, как он аккуратно кладет столовые приборы на стол. Лицо его не выражает недовольства, но по слегка подрагивающим ноздрям я замечаю, что он не в восторге от этой (ох, каким он тоном это произносит) страны.

- Как так, месье? - В глазах официанта четко отражалось то, что он не на шутку испугался за свои чаевые. - Степень прожарки стейка - Bleu (прим. франц. Мясо, обжаренное до корочки, внутри - сырое), как вы и заказывали...

Я со скукой наблюдала за их диалогом, подперев рукой подбородок, наплевав на все правила этикета.

- Да, именно это я и заказывал. - Стеф посмотрел на официанта, как на школьника, не выучившего урок. - Но на деле это мясо слишком пережарено для степени Bleu. Я бы назвал это стейком Saignant.(прим. Мясо «с кровью»)

Я улыбнулась несчастному официанту, чтобы хоть как-то его поддержать, но тот позеленел, выслушивая замечание Стефана. Далеко не первое за вечер.

- Простите, месье. Если позволите, я немедленно принесу вам другой стейк... - Официант хотел было потянуться к тарелке Стефа, но тот его быстро остановил.

- Нет, спасибо. Мне хватило уже одного раза. Просто задумайтесь о том, имеете ли вы право вешать на свое заведение табличку «Французский ресторан».

- Еще раз простите, месье. Я обещаю, такого больше не повторится. Что н-нибудь еще? - Бедняга начал заикаться, и я чуть не встряла в их разговор.

- Это все. - Стефан вновь повернулся ко мне, а я проследила за официантом - он промокнул свой лоб платком и двинулся в сторону кухни чуть быстрее, чем обычно.

- В этой стране нет нормальных Французских ресторанов. Мало того, что на каждом углу фастфуд, так еще и рестораны оказались столь непрезентабельными. Мы все-таки оплачиваем их услуги. Они могли бы быть...

- Стеф, перестань. - Я накрыла его ладонь своей и взмахнула ресничками, перенаправляя его внимание. Свободной рукой он провел по волосам на висках. Гладким, платиновым.

- Я пригласила тебя к себе в страну. Это мой дом. Это очень много значит для меня, и я надеялась, что это... Ну, знаешь, поможет нам стать ближе.

Морщинка между его бровей разгладилась, а выражение лица смягчилось, когда он повернул мою руку в своей и крепко сжал, поглаживая пальцы.

- Прости, Ребекка. Ты права. Просто у меня есть вредные привычки.

- И хорошие манеры. – Я улыбнулась, подняв бокал с вином в воздух.

- Жаль, что я здесь всего на три дня, и это мой последний день с тобой. – Стефан последовал моему примеру, повторяя действия.

Да, он приехал сюда ненадолго – буквально на следующий день после моей ссоры с тем кого-нельзя-называть позвонил Стефан и сообщил новость о том, что ему нужно в Штаты по работе. На самом деле, ему нужно было в Вашингтон, но, выкроив для меня время, он посетил Лос-Анджелес.

Да только солнце, подкаченные мужчины, расхаживающие по улице с голым торсом, и растаманы, покуривающие по углам травку, пришлось ему не по вкусу. Поэтому Стефан остановился в самом дорогом и изысканном отеле ЛА и просидел там почти все три дня, то и дело выводя меня на культурные мероприятия.

Конечно, мне было приятно, что после учебы за мной приезжал лимузин, и я ехала в ресторан, на подобии этого, или в театр, где потом три часа к ряду смотрела постановку, где мало во что могла вникнуть. Я даже не вслушивалась в голоса и не всматривалась в лица людей, обитающих на сцене.

В то время как руку мою держал Стефан, мыслями я была где-то далеко и точно не с ним рядом.

- Да... Мне жаль, что я не показала тебе настоящий город. Океан, ночные огни на пляже... Пирс, с чертовым колесом, на котором мы могли бы прокатиться.

По лицу Стефана я поняла, что такая перспектива, ему не очень то и нравилась, и все же, из – за природной вежливости, он одобительно мне закивал.

- Мы сделаем это. Обязательно прокатимся, Ребекка. Я хочу связать с тобой всю жизнь и поэтому должен чтить твою культуру.

- Да. Прокатиться на серфе, скейтборде, побывать на «Аллее славы» и даже съесть гамбургер. Тебя ждет не легкий путь.

- О нет. Может хотя бы над моим желудком сжалишься, дорогая?

Это «дорогая» резало уши без ножа, но я даже не поежилась, отлично играя свою роль. Сама невинность в нежно-бирюзовом платье. Стоунэм бы упал замертво, если бы увидел эту картину.

Хотя... Может, он и сейчас наблюдает, кто знает? Несмотря на то, что вышвырнул меня, а я плюнула в его лицо.

Наше общение нельзя было назвать дорогим, милым.

Но оно было... Настоящим.

- Нет. Гамбургер - в твоем списке.

Стеф нежно коснулся моего носа, и мы оба рассмеялись, натянув белозубые улыбки до самых ушей.

Тошнотворное зрелище из дешевого бразильского мыла, не меньше.

- Прости, что не поеду с тобой до аэропорта. Уже поздно, а мне завтра к первой паре. - Через час мы со Стефаном стоим у лимузина, на котором он отправится в аэропорт. Мне он вызвал такси, хотя я хотела пройтись до кампуса пешком - он был не так далеко, а подышать свежим воздухом я бы не отказалась.

- Я понимаю, дорогая. Тебе нужен здоровый сон. - В глазах Стефана я увидела заботу. Такое... Редкое по отношению ко мне чувство, которое вдруг пробило до самых отдаленных нервов моего тела. Я прижалась к его груди, облаченную в темно-синий пиджак, и вдохнула парфюм, надеясь найти там мои любимые ноты.

Но этого не произошло. Его запах не запомнился мне, и я уверена, что перепутала его бы с сотнями других, которые постоянно улавливала на улице или в студенческих коридорах.

Этот запах был не мой.

- Ты же у меня хорошая девочка, - ласково прошептал он, обнимая меня за плечи, аккуратно касаясь макушки губами. Я поднимаю голову, и наши взгляды встречаются.

На мгновение мое внимание обращается к его губам: его верхняя губа тонкая, а нижняя поджата. Я присматриваюсь к их контуру и могу различить каждую неровность на их поверхности...

- Да. Хорошая, Стеф. - Мой шепот едва слышен, и на секунду мне кажется, что он вот-вот наклонится ко мне для поцелуя, но этого не происходит.

В душе я выдыхаю даже с облегчением, потому что слабый маяк внутри меня кричит только о том, что поцелуй – это измена. Только вот кому?

- Ладно, мне пора. Иначе я опоздаю на самолет, а ты проспичь свою первую пару. Я был безумно рад приехать к тебе, моя дорогая. Вскоре я вернусь, ведь даже день без тебя кажется мне пыткой. – Произнеся свою проникновенную речь, он пробежался губами по тыльной стороне моей ладони и скрылся за дверью лимузина.

Я же направилась к такси, по дороге расправляя подол безупречного бирюзового платья.

В нем я чувствовала себя принцессой – легкое, прозрачное и длинное в пол. Оно оставляло позади меня шлейф, как у платьев, которые обычно надевают, на свадьбу.

- Что ты делаешь, Бекка? – Сидя в такси, я обращалась уже только к себе. – Разве такой жизни ты хочешь?

- Вы что-то сказали? – Поинтересовался таксист, оборачиваясь ко мне. – У вас нет наличных?!

- Нет, что вы. – Я протянула таксисту деньги сразу с чаевыми, за что он одарил меня полным счастья взглядом. – Трогай.

Всю дорогу, прислонившись к боковому стеклу, я рисовала себе картины будущего, которые никогда не произойдут.

О том, что было в этих картинах, я боялась признаться даже самой себе.

Глава 10.

POV Ребекка

Постепенно все снова вернулось на свои места. Кажется, он и правда забыл о моем существовании. Отстал насовсем, припугнув напоследок угрозами, брошенными в спину.

«Я разобью твои мечты. И ты станцуеть для меня на их осколках».

Эта фраза никак не желала выходить из моей головы, но разумом я понимала, что Коул не сможет этого сделать просто потому, что он не знает, о чем я мечтаю. Не знает, чего хочу добиться.

Он может и дальше вспоминать мое прошлое, давить на слегка затянувшиеся раны, но о моем настоящем он не узнает ничего. Я просто больше не пушу его в свой мир.

Через несколько дней после отъезда Стефана мне пришло письмо. Слава Богу, оно было электронным, иначе бы я даже не открыла его, опасаясь, что это очередные проделки Коула.

Но письмо оказалось для меня счастливым билетом. Билетом в светлое будущее, где я и все мои родные будут знать, на что я способна.

«Уважаемая Ребекка Картер, мы рады сообщить вам, что получили ваши конкурсные работы для нашего журнала. Вы, как и еще девять претендентов, получаете возможность, представить вашу одежду перед рядом именитых дизайнеров, которые в последствии могут воплотить вашу линейку в одной из своих новых коллекций. Вам будут предоставлены десять минут, где вы с презентацией своих работ должны рассказать, почему именно ваша линейка должна появиться в магазинах по всему миру. С уважением, редактор модного журнала Sparkle».

Внизу было описано подробное описание, как добраться до места проведения вечеринки, которая унесет меня в счастливое будущее.

- Боже. Я не могу поверить! Ты порвешь там всех! - Как только я дочитала это письмо Мерседес, она взвизгнула, размахивая руками, как сумасшедшая. - Только представь... Это же твой первый шаг на пути к мечте. Тебя отобрали из десятков, сотен претендентов... Именно тебя, Ребекка.

- Да, но... Я как-то неуверена. Знаешь, если меня не выберут... - Я нервно сглотнула, отводя глаза от экрана, где подруга по-прежнему ликовала. - Это разрушит все.

- Ну, не преувеличивай, это раз, - тут же принялась успокаивать меня она. - Во-вторых, ты обязательно победишь. Я видела эту коллекцию. Она идеальна. Да, она не совсем будет твоей, ее присвоит себе какой-нибудь неумелый дизайнер, и все же... Все будут знать, кто это создал!

- Ты думаешь? Мне кажется... У меня весьма однообразный вкус.

Я вдруг вспомнила свои старые платья - с графичными вырезами в неожиданных местах. Такие платья надевают на вечер раз в год, крася губы винной помадой. Красиво, но довольно однообразно.

- Но твои работы изменились. Они стали лучше. Я уверена, что это твое... На все сто процентов. - Мерседес была права. Мои новые платья были другими. Они создавались для другой девушки. Не для меня, а для той меня, которой я хотела бы стать.

- Нам остается только проверить это. - Я пожала плечами, затаив маленькую надежду в

самой глубине своей души.

Может, все получится?

Может, это суждено мне судьбой?

Пасть ниже некуда, пройти через адский водоворот Коула, чтобы, в конце концов, обрести себя и стать счастливой?

Полная отличного расположения духа, я делюсь с Мерседес последними новостями, а она заваливает меня вопросами. Как всегда, ведь ей-то, по ее словам, рассказать нечего, потому что единственная вольность, которая допускается в их колледже – это круглосуточный доступ в Интернет.

Я привыкла крутиться в кругах, где время от времени встречала ту или иную знаменитость. Но такого количества звезд и прессы, дизайнеров, фотографов я еще никогда не видела. Я собиралась на это мероприятие не один час, но даже истратив на внешность все свое время и силы, на фоне красоток в платьях от кутюр чувствовала себя неловко. Хотя, это было скорее не из-за того, что я считала себя золушкой на чужом балу, а из-за того, что жутко волновалась перед своей презентацией.

Что я им скажу? Как буду себя вести?

Дома я несколько дней отработывала свою речь перед зеркалом и даже заготовила пару карточек, с которых с могу подглядывать, если волнение будет слишком сильным.

Я находилась в огромном зале, похожим на бескрайний украшенный лофт, включающий в себя импровизированный подиум, экран позади него, столы с угощениями, кучу рекламных баннеров и просто промо-стоек с различными журналами. В первых рядах перед подиумом уже сидели люди, среди которых я когда-нибудь надеялась оказаться.

Дизайнеры. Те самые дизайнеры, которые будут судить меня сегодня. Люди, которым я должна понравиться.

Я не умею кому-то нравиться. Меня можно либо уважать, либо бояться. Сегодня мне придется научиться чему-то, иначе какая-то более проворная девица украдет мое место под солнцем.

- Здравствуйте, мисс... - Ко мне подоспел один из журналистов, уж не знаю, чем я так привлекла его внимание.

- Картер. Ребекка Картер. – Я улыбнулась в камеру, заметив, что меня снимают, а интервьюер поднес микрофон к моим губам.

- Итак, вы здесь в качестве кого?

- Я победитель конкурса всего лишь. Сегодня на сцене я буду представлять некоторые из своих платьев. Надеюсь, что они понравятся вам и зрителям. – Не мой голос вырывается из моих губ. Такой аккуратный, выше на пол октавы. Кажется, у меня не плохо получается «нравиться».

- О, это замечательно. Признаюсь, меня сразу привлек ваш образ, платье какого дизайнера сейчас на вас надето? – продолжал допытываться интервьюер, чем-то напомнивший мне Цезаря из кинокартины «Голодные игры».

Честно говоря, вся обстановка на мероприятии с каждой минутой все больше походила на Капитолий. Каких только нарядов здесь не было. Не хватало разве что Гаги в облачении мяса (прим. Леди Гага – эпатажная певица, знаменитая своими странными, неординарными костюмами).

- Это мое платье. Я придумала его сама. – Я поправила ободок, которым украсила волнистые волосы. Он походил на ремень из синих роз, опоясывающих мою голову. И отлично подходил к тому самому бирюзовому платью, что было надето на мне, когда я прощалась со Стефаном.

- Оно просто великолепно! Я думаю, у вас есть все шансы победить, если ваши остальные работы столь же хороши, как эта. А как называется ваша линейка, если не секрет?

- Это не секрет, подробнее я расскажу об этом на подиуме. Ну, а сейчас раскрою для вас только название – «Вторая кожа».

- Очень интересное название, мисс Картер. Мы желаем вам успехов! Спасибо за интервью с будущей звездочкой на небосклоне моды! – пропел «Цезарь» с фальшивой улыбкой на лице, прощаясь со мной уже вне камер.

- Спасибо... - Я сказала это уже самой себе, проходя к месту, отведенному мне за кулисами подиума. Передо мной стояло пять девочек, я – шестая.

Они то и дело переглядывались между собой, кидая друг другу раздраженные взгляды. Неудивительно. Финалисток много, а победительница – одна.

Но я почему-то не сомневалась в себе. Как только я отдала диск с презентацией ди-джею, успокоилась.

Мне не о чем волноваться. Это все случилось не зря. Это мой счастливый билет, моя судьба, не иначе.

Гордо вздернув подбородок, я всем своим видом показала, что здесь может быть только одна победительница.

Остальные девушки недовольно поглядели на меня оценивающим взглядом, рассматривая мое платье. Оно действительно было красивым. В нем присутствовала нежность и в то же время элегантность, которая проявлялась через ткань, облегаящую точенный силуэт. Лазурный цвет платья навевал мысли о небе или же об океане где-то на райских островах, в то время как впечатляющий вырез на груди заявлял всем, что такое платье может носить только уверенная в себе и сексуальная девушка.

Оно было не похоже на прежние мои работы. И было так странно понимать, что я нарисовала его именно после того вечера, когда встретила заплаканную Бломен на заправке. Тогда я будто бы соединила оба наших характера и создала в уме девушку, которая бы олицетворяла именно это платье.

Страсть и нежность в одном убийственном флаконе.

- Ребекка, твой выход. – Организатор показа позвала меня на сцену, пожелав удачи. К счастью, у меня не было боязни выступать перед публикой. Я же все-таки была президентом студенческого братства. Ораторское искусство у меня в крови, ведь мой отец, которому на меня плевать, – телеведущий.

Гордо пройдясь по подиуму, словно модель, остановилась на середине перед микрофоном. До этого мне объяснили, как я должна действовать: рассказать о своей коллекции в течение максимум семи минут, пока за моей спиной будут мелькать слайды моих работ. В конце – стандартные аплодисменты и уход за кулисы. И вот только в конце вечера мы все узнаем победителя, которого объявит главный редактор журнала Sparkle.

Я оглядела зал и слегка прищурилась от яркого света. Опустив взгляд на карточки, поняла, что буквы расплываются, становясь совершенно не читаемыми.

- Добрый вечер, дамы и господа. – Наплевать на карточки. Буду говорить то, что диктует мое сердце. Ведь это мой труд, мои работы. И только я смогу достойно представить их. – Сегодня я хочу представить вам свою небольшую линию одежды «Вторая кожа». Вы можете слушать меня, а можете просто смотреть на экран. Я думаю, эскизы гораздо красноречивее слов, но, тем не менее, я начну. «Почему вторая кожа?» - возможно спросите вы. Я всегда ассоциировала себя со змеей и мечтала о том, что смогу, как и они, снимать свою кожу, каждый раз рождаясь заново. Все это время я создавала похожие друг на друга платья, пока не подумала о том, что одежда выполняет ту же функцию. Это наша вторая кожа, которую мы можем менять и вместе с тем изменять свой образ и настроение.

Я остановилась, чтобы выдохнуть. Зал выглядел довольно странно: все взгляды были

прикованы к экрану, очевидно, им действительно нравятся мои работы. Правда, в глазах некоторых я читала возмущение, кто-то скептически ухмылялся. Несмотря на это, я продолжила, стараясь не обращать внимание на знаменитые лица.

- ...Современная девушка - разная. Сегодня - она собирается на звездную вечеринку, выбирая длинное вечернее платье, которое будет прибавлять ей возраста и элегантности. Завтра - она обычная девчонка, студентка колледжа, одетая в юбку-карандаш, которую сочетает с кедами. Послезавтра - она нуждается в коктейльном платье, которое выглядело бы сексуально, но не вызывающее. С приправой нежности и легкости, которой так не хватает девушкам, которые обычно одеваются от Кутюр, то есть носят вашу одежду, уважаемые дизайнеры.

По залу начал проходить недовольный шепоток, но я не понимала, с чем он может быть связан. Мои работы настолько ужасны?

- Зачастую, такие девушки надевают одежду, которая не соответствует их настроению. Главное для них - одеться от Кутюр, ведь так принято. И пусть, одежда не отображает их внутреннее состояние, ведь то, что скажет общество, - куда важнее. - Тут я вспоминаю Элину, которая годами вбивала в меня стандарты красоты и прививала свой стиль, который я все же забраквала. - Этой коллекцией я хочу доказать, что у каждой девушки должен быть выбор. Она может быть владелицей своего настр...

Тут мой микрофон отключили, а в зале раздались крики, требующие моего немедленного удаления со сцены.

- Что она тут делает?

- Кто пригласил эту девушку?

- Это что, шутка?

Все эти фразы я слышала из разных уголков зала и, теряясь в догадках, обернулась на слайдшоу, которое почему-то еще не закончилось...

И тут я застыла, словно статуя, закованная заклятьем Минервы. Я буквально прилипла к полу, в то время как все органы внутри меня сжались в один большой снежный ком.

В булаву с иголками, протыкающими изнутри.

На экране я увидела себя.

По моложе, еще с другим, бирюзовым цветом волос. Они распадаются по моей спине и плечам на одной из фотографий, что красуется на большом экране. Старая я с фотографий

неплохо проводит время, оседлав какого-то парня с огромными татухами на груди. Его ладони прикрывают мою грудь, и я пытаюсь сосредоточить взгляд на его больших массивных рокерских кольцах, чтобы сохранить хоть какую-то координацию движений.

Потому что мне хочется упасть прямо здесь.

Бить себя в грудь, доказывая всем этим людям, которые должны были осуществить мою мечту, что это не я.

Но правда в том, что это не так... А слайды шоу все меняются, становясь отвратительнее, показывая меня со всех сторон.

Я не узнаю девушку на этих фотографиях, но как бы не хотела, чтобы это оказалась моя сестра-близнец, этого не произойдет.

На мгновение я закрываюсь от криков, которым взрывается зал, и шепчу, еле шевеля омертвелыми губами:

- Уберите... Уу-уберите это...

Но экран продолжает крутить порочный круг моих фото. Все, как тогда с фотографиями, которые пришли маме и Николасу. Привет из прошлого.

Кувалда Коула, которая разбила мои мечты.

Она прилетела так быстро, что я даже не успела к ней подготовиться. Я понятия не имела, как он это сделал, да и не хотела знать.

Хотелось лишь убить его, всадить ножи в бездушные глазницы, разорвать горло, по которым течет ярость и злоба, передающиеся мне.

Наконец, показав красочное фото, на котором я слизываю кокс, сидя за рулем, экран гаснет.

Вернувшись к реальности, бегу по подиуму прочь, поднимая полы своего длинного прекрасного платья.

Я не знаю, каким чудесным образом по мне еще не катятся слезы. Горячие, обжигающие, съедающие душу, они текут где-то по изнанке щек, внутри, и скатываются по гортани, оседая на дне осколков сердца или мечты.

В толпе я замечаю осуждающие лица безумных папарацци, стремящихся взять у меня интервью. Но я хочу убежать отсюда как можно быстрее, желательно сразу до Канадской границы.

- Какой позор!

- Да уж, забавная история...

- Что она здесь делает вообще?

Эти и еще миллионы подобных фраз услышала я, пока бежала к выходу. Я скорее шла быстрым шагом, стараясь не выдавать свои чувства.

Коул сделал это. Он все испортил. Снова.

Черт возьми, за что? За то, что отвернулась от него, когда хотел стать ко мне ближе? Неужели за это?

Неужели, он настолько ненавидит меня, что готов разрушить все, к чему я стремлюсь и о чем мечтаю?

Я прикладываю руку к груди, почти не чувствуя стук собственного сердца. По венам будто бы пустили наркоз, замедляющий все ощущения. Мне просто хочется, что все это оказалось страшным сном или глупым розыгрышем...

Но реальность бьет по лицу, не зная пощады.

Сжимая руки в кулаки, понимаю, что если и были там какие-то чувства к Коулу, то теперь они пропали. Испарились, преданные этим мерзким, низким поступком.

Такой человек просто не может вызвать симпатию, что уж там говорить о любви, которая уже начинала мне мерещиться.

В голове лихорадочно мелькают все орудия пыток, которые я могла бы к нему применить, но все тщетно. Я останавливаюсь на одном, самом бесполезном варианте, который хочу привести в жизнь.

Он настолько пустой и бессмысленный, что даже смешно.

Мне хочется хоть как-то задеть Коула, хоть чем-то уколоть, но я понимаю, что нечем.

Я знаю лишь одну его слабость, и эта слабость заключается в том, что он не любит, когда трогают его вещи.

А самой ценной вещью в его коллекции была я.

И если он так сильно скучает по моему образу шлюхи, что готов вещать об этом через экран, я устрою ему это. И пусть это будет самый глупый поступок за всю мою жизнь, мне плевать.

Я хочу хоть как-то достучаться до его затвердевшей души.

Сама не замечаю, как иду по ночной улице, мечтая оказаться на дамбе.

На этот раз я действительно хочу встать на самый край, потянуться на цыпочках, расправив руки, как крылья...

Но вместо этого иду по улице - грязная, униженная, дешевая, как товары в магазинах по одной цене.

Никчемная, лишенная мечты и надежд, оставшаяся наедине с расплатой.

Кара за грехи, высеченные на моей судьбе.

Глава 11.

POV Коул

- Я перестаю чувствовать азарт, братья. - Ухмыляюсь, поддвигаю к себе только что выигранные фишки. Мне опять повезло с картами, и, несмотря на то, что Гидеон и Тристан всю игру подавали друг другу незатейливые знаки, мне снова удалось одержать победу. - И перестань все время чесать нос, Дон. Это очень заметно.

- И где ты научился так играть? - Тристан проводил свои фишки грустным взглядом. Денег у него было достаточно, поэтому не думаю, что он грустил по сотне долларов, которую только что прозевал.

- Это врожденное, - высокомерно заявляю я, пока Александр снова раздает карты.

- Он просто умеет блефовать, а вы ведетесь. - Среди всех моих соперников Алекс был самым достойным. Выигрыш медленно перетекал от меня к нему до тех пор, пока казна не достигала

полутора тысяч долларов. Сумма ничтожная, но кайф от победы приносил гораздо больше удовольствия.

- Скоро придут девочки. Последнюю партию, и я пас. - Тристан зажег сигарету, вдохнув едкий дым, заполняющий пространство.

- Да, сегодня пятница. Самое время развлечься, иначе я скоро не выдержу. Преподаватель по истории сдирает с меня три шкуры. - Произнося эти слова, он мимолетно дотрагивается до синяка на плече, который оставил ему я. С удовлетворением отметив, что Гидеону больно, я заглянул в свои карты.

Черт, ничего особенного. Без хорошего везения мне точно не выиграть этот кон.

- У меня то же самое. Мне нахрен не нужна эта сессия... - Алекс тяжело вздохнул, сморщиваясь от отвращения. Я был удивлен, что разговор зашел об учебе.

Нам редко ставили плохие оценки. Как представителям общественной деятельности, нам частенько доставались автоматы и другие льготы - стоило только почаще надевать пиджак с эмблемой братства.

- Не думаю, что эта тема стоит разговоров. Лучше вернемся к девочкам... - Раздраженный дымом от сигарет, потянулся к своей в надежде успокоить нервы.

Я и сам не знал, чего ждал после того, как подменил диск Бекки на свой.

Я даже почувствовал легкий укол совести, но он тут же исчез, когда я вспомнил плевки Бекки и слова, навеки запавшие в душу.

Нет никаких нас.

Нет. Нас нет. И нас не было... Никогда не было.

На что я рассчитывал? Что Бекка примерно сядет и будет ужинать со мной? Что мы поговорим о прошлом, начнем все заново, постараемся просто поговорить, как нормальные люди?!

Да чёрта с два.

Ни я, ни Ребекка, похоже, уже не способны на человеческий разговор.

Когда мы вместе - мы два зверя, два первобытных человека, бушующая стихия и сама

природа - глубокая, дикая и первозданная.

И разговаривать мы не умеем. Нами правят только наши инстинкты, которые прорываются наружу.

- Коул, ты еще здесь? - Навязчивый голос выбивает меня из кокона собственных мыслей, и только сейчас я понимаю, что совершенно точно проигрываю этот кон.

- Да... - Мой голос звучит еще растеряней, когда я вдруг слышу звук каблуков, пересекающих длинный коридор, ведущий в нашу игровую комнату.

- Мы кого-то ждали так рано? - Александр озвучил мою мысль вслух, обернувшись на звуки.

- Не думаю... Но это не кандидат и не копы. Так что можно расслабиться.

Я затянулся еще сильнее, приготовившись прогнать неприглядную гостью. Наверняка, одна из шлюх, попутавшая время предстоящей вечеринки.

Когда шаги становятся громче и наконец замирают, я вижу в дверном проеме Ребекку, и все внутри рушится.

Она выглядит сильной, уверенной и даже счастливой. Как будто ничего не произошло. Как будто я не опозорил ее перед бомондом, в который она так стремилась попасть.

Как будто я не затоптал ее мечту и не расколол ее душу.

Ее глаза горели, в них бушевал лютый огонь, но направлены они были не на меня, а куда-то рядом... На Гидеона, что застыл, пожирая Ребекку недвусмысленным взглядом.

- Что ты здесь делаешь? - Я обратился к Ребекке, которая даже не взглянула в мою сторону. Вильнув полным бедром, облаченным в короткую юбку, она подплыла на каблуках к Дону и прильнула к его оголенной груди.

Не успел я сообразить, что происходит, как Ребекка села к нему на колени, обхватив его гребанную шею, которую я был готов перегрызть за секунду.

Какого. Блядь. Черта?!

- Пошла вон отсюда, - холодно заявил я, направляя свой гнев в сторону девушки. Ее юбка бесстыдно задралась, почти приоткрыв всем вид на внутреннюю поверхность ее бедер... На то, что принадлежало только мне.

Но Ребекка вела себя так, как будто меня здесь не было.

Как тогда, в школе. Когда я был для нее изгоем, ничтожеством.

Пылесборником на задних партах, который время от времени требовал взбучки от ее «солдат».

Я наблюдал за ее действиями, и мой взгляд прилип к ее длинным пальцам, которые вмиг зарылись в платиновые волосы Гидеона и оттянули их в сторону.

- Бекка...- Голос Гидеона наверняка прозвучал удивленно и ошарашено, но ревность застелила мой слух и зрение, перевернув все с ног на голову. Его голос звучал страстно, с придыханием. Почти, как мой, когда я трахаю ее... Когда она стонет подо мной и корчится, выкрикивая мое имя.

Мое, а не его. Меня она трогает этими изящными пальцами с красными ноготочками.

Это они скользят по моим лопаткам, когда я вбиваюсь в нее до потери пульса.

- Я так скучала по тебе, малыш. - Бекка наклоняется к Дону ближе и вжимается в него всем телом, безобразно прильнув к его губам.

Я чувствую, как поперек горла встает нож, не дающий сделать и вдоха.

Если бы я умел порождать огонь взглядом, от Гидеона бы сейчас осталась горстка чертового пепла!

- Сейчас что-то будет, - выдал не менее ошарашенный Тристан.

Ребекка прилипла к его губам, как заколдованная, вжалась в него так сильно, как будто хотела слиться с ним воедино, притворно постанывая ему в рот.

Я стал вулканом. Вулканом, который вот-вот взорвется, сметет каждый камень на своем пути.

Я почувствовал, как искры ненависти прорываются сквозь глаза, мне так хотелось придушить их обоих, но с ним я решил разобраться позже.

Наплевав на то, что подумают обо мне братья, я немедленно встал, схватив дешевку за воротник тонюсенькой шелковой кофточки, явно надетой на голое тело.

Другой рукой дернул за волосы, отрывая ее от этого поддонка, на лице которого застыла блаженная улыбка и распухшие от страсти губы.

Мерзость.

Меня вдруг затошнило, когда я подумал о том, что он теперь касался ее там своим языком.

Проникал вглубь, забирая то, что по праву принадлежит мне.

- Отвали от меня, Стоунэм! Я не к тебе пришла! - взревела она, пытаясь ослабить хватку воротника на своей шее, но я дернул сильнее. Дернул, как непослушную суку на поводке, послушавшуюся своего хозяина.

- Заткнись, иначе будет хуже. - Кровь разъедала меня изнутри, готова была взорваться от концентрации яда, выработавшегося в венах.

Я понес ее вдоль длинных темных коридоров братства, не обращая на внимания на Гидеона, который уже начал понимать, что произошло, и что его ждет, если он немедленно не смоемся с моих глаз.

Когда мы оказались в моей комнате, я с треском закрыл дверь и, дернув на себя Ребекку, приблизил ее к своему лицу, чтобы заглянуть в бесстыжие карие глаза, несущие в себе ничего, кроме ответной ненависти. Небрежно кинув ее на пол, словно обжегшись, заорал, не щадя горевшие легкие:

- Какого хрена ты это сделала, сука? Какого?!

- Я захотела этого. - Она вздрагивает, когда я кидаю на нее свой полный ядерных зарядов взгляд.

Жалкая, беззащитная девочка. Она снова валяется на моем полу и еще пытается что-то вякать и оправдываться передо мной.

Разум затуманен. Чувствую лишь сердце, которым правит лишь жгучая, едкая ненависть, порождающая все тело, как болезнь.

- Сука, когда это было? Сколько раз? Где? Назови, назови мне эти чертовы даты, блядь, иначе я лишу головы вас обоих!

Я вдруг замер, отобразив в голове жуткую картину, в которой Ребекка вновь и вновь прижимается к Гидеону, расположившись в его постели.

И она приходит к нему сама, по своему желанию.

Не запуганная шантажом, не заваленная страхами.

Страшна была та реальность, в которой Ребекка приходила к нему по собственному желанию.

В которой она действительно отдала свою душу и тело другому.

Эта мысль калечила меня в сотни раз сильнее, чем осознание того, что я ущербный псих, ожидающий своего приговора на вечные скитания по безликой белой комнатке рядом со своим отцом.

Уж лучше стать психом, чем узнать правду о том, что Ребекка отдалась кому-то другому по своей воле.

Моя. Она, черт возьми, МО-Я.

- Ты не мой папочка! Я вправе сама решать с кем и как мне проводить время.

С секунду я вглядываюсь в теперь уже непроницаемые глаза, пытаюсь понять, блефует она или нет. Сбивчивое дыхание девушки замирает, а во взгляде появляется ледяное спокойствие, которое может значить только одно.

Она была с ним.

Она раздвигала перед ним свои длинные ноги, впуская в себя...

Фу. У меня такое чувство, как будто я только что провалился в яму, наполненную грязью.

- Ты не представляешь, что я с тобой сделаю, шлюха. - Резко наклоняюсь, хватая за бархатные, на ощупь, плечи. Зубы Ребекки впиваются в нижнюю губу, сдерживая жалобный всхлип.

- Не смей. Не смей так называть меня, бессердечное чудовище.